

НОЧЬ НАКАНУНЕ

ГОЛОВОЛОМКА

УЗНДИ УСКЕР

Триллер-головоломка

Уэнди Уокер
Ночь накануне

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

Уокер У.

Ночь накануне / У. Уокер — «Издательство АСТ»,
2019 — (Триллер-головоломка)

ISBN 978-5-17-119712-4

Лора Лохнер — влюбчивая и невезучая, а это плохое сочетание. После очередных неудачных отношений она просто сбегает из Нью-Йорка и переезжает к сестре, в пригород Коннектикута. Роузи Ферроу всю жизнь переживает за сестру. Бесстрашная, но хрупкая Лора всегда как будто бы шла по натянутому канату, а Роузи всегда была рядом, чтобы ее поймать. Но даже она не в силах отговорить сестру от идеи снова построить отношения – теперь с таинственным человеком из интернета. Когда Лора уходит на свидание и исчезает, Роузи начинает поиски. Она с ума сходит от беспокойства. Но волнует ее не только то, что этот человек мог сделать с Лорой. Она беспокоится о том, что Лора могла сделать с ним...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-119712-4

© Уокер У., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Благодарности	6
1	7
2	8
3	15
4	20
5	21
6	26
7	33
8	34
9	41
10	45
11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Уэнди Уокер Ночь накануне

© Wendy Walker, 2019

© Цибизова И., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Светлой памяти

Этель Хёрбоуи Кемпф (1915–2017)

Благодарности

Жизнь моей бабушки Эстель Кемпф была настолько богата событиями, что могла бы надолго обеспечить вдохновение любому писателю. И несмотря на это, она все равно повторяла: «Кого волнует прошлое?» – и прожила сто один год, глядя лишь в будущее. Надеюсь, теперь ей удалось обрести лучшее на небесах.

Как обычно, появлению этой книги я обязана многим людям. Выражаю сердечную благодарность своему изумительному агенту Уэнди Шерман, которая летела вместе со мной на Тайвань, убеждала меня, и умудрялась оставаться честной в самом положительном смысле. Я глубоко признательна дальновидному редактору и издателю Дженифер Эндерлин, которая сразу поняла концепцию романа и улучшила ее; замечательному коллективу издательства Сент-Мартин Пресс: это Лайза Сенц, Дори Уэйнтроб, Кейти Бэссел, Brent Джейнуэй, Эрика Мартирано и Джордан Хенли. Я благодарна специалистам, которые посвятили мне время и делились ценными советами: детективу Кристи Ф. Джирард; адвокату Марку Шерману и доктору философских наук Фелисии Рожек, писателю Ланди Бэнкрофт, агентам кино и телевидения Мишель Вайнер и Оливии Блауштайн с канала Си-Эй-Эй, литературному агенту по международным правам Дженни Мейер, и Кэрол Фицджеральд из компании «Букрипортер» за неизменную поддержку в работе.

От себя лично хотелось бы от всей души поблагодарить писателей, способных как никто другой делиться историями, любить и выслушивать их, свою семью, которые всегда со мной и в горе, и в радости, беззаветно любимых сыновей Эндрю, Бена и Кристофера, и «истинных леди», которые поднимали мне настроение, звали на коктейли и смешили – наша дружба не раз спасала меня в трудные времена.

Теперь же в память о своей бабушке я смотрю в будущее. Вперед!

1

Лора Лохнер. Первый сеанс.

Четыре месяца назад. Нью-Йорк

Лора: Я даже не знаю, хорошая ли это идея.

Доктор Броуди: Все зависит от тебя, Лора.

Лора: А что, если ты попробуешь исправить меня, но в итоге я сломаюсь окончательно?

Доктор Броуди: А если нет?

Лора: Я боюсь возвращаться туда. В прошлое. В ту ночь в лесу. В памяти по-прежнему остается провал.

Доктор Броуди: Все в твоих руках, Лора. Тебе решать.

Лора: Оно было у меня в руке. Орудие убийства. И все же той ночью я не изменилась. Я лишь увидела себя той девочкой, какой была всегда.

Доктор Броуди: С этого и начнем. Расскажи мне о той девочке, какой ты была всегда.

2

Лора. Настоящее время. Четверг, 7 вечера.

Бренстон, Коннектикут

Помада. Вишнево-красная.

Я выбрала именно такую, потому что она сочная и яркая. Оптимизм в тюбике. То, что мне пригодится сегодня вечером.

Ванная комната для гостей в доме моей сестры тесная до невозможности, со скошенным потолком и крохотным овальным зеркальцем. Помада лежит на самом краешке раковины.

Наношу ее в первую очередь, чтобы не передумать, щедро размазывая оптимизм по губам. Затем – консилер. Пара мазков под карими глазами – и черные круги после бессонных недель исчезают. Розовые румяна освежают щеки, давным-давно не видевшие солнечного света.

Хронические совы днем спят.

Сестра одолжила мне прелестное платье. Черное в крохотный цветочек.

Надень для разнообразия платье. В нем ты будешь выглядеть сногшибательно.

Роузи недавно исполнилось тридцать. Она живет с мужем Джо и карапузом Мейсоном. Их дом расположен на холмах Бренстона, что в шести милях от центра города. И в миле от того места, где все началось. Улицы, на которой мы выросли. Переулка Оленьих холмов.

Роузи уверяет, что ей некуда надеть это платье. Подол мешает гоняться за Мейсоном, а она слишком выматывается днем, чтобы вечером хватало сил на что-то большее, чем перехватить пивка в торговых рядах на окраине. Послушать ее – так можно подумать, будто она скучает по тем временам, когда не было дел важнее, чем прихорашиваться и наряжаться. На самом же деле сестре не нужны ни платье, ни поводы надеть его, потому что ее дни наполнены медвежьими объятиями, безудержным смехом и жаркими поцелуями.

Мужа Роузи, Джо, все это не волнует. Он любит ее. И даже сейчас, после тринадцати лет совместной жизни. И даже после общего детства, проведенного на одной улице. И даже несмотря на то, что Мейсон спит в их постели, старый дом постоянно нуждается в ремонте, а сестра не носит платьев.

Джо обожает ее, потому что в юности Роузи надевала специально для него столько прелестных платьев, и он до сих пор видит жену той нарядной девчонкой.

И именно такой меня должны видеть сегодня вечером.

В сваленной на полу куче из полотенец и одежды ищу свой телефон. Найдя, открываю свою страницу, выпуская на волю надежду. *Джонатан Филдз*. Это имя звучит как песня.

Джонатан Филдз. Я встретила его на «Найди свою любовь» – популярном и известном сайте знакомств. Название говорит само за себя. Джонатану Филдзу сорок. Год назад от него ушла жена, отчаявшаяся забеременеть. Ей достался дом. Ему – черный «БМВ».

Так он и заявил.

Джонатан Филдз позвонил мне по телефону. Он сказал, что не любит электронную почту или эсэмэс-переписку за безликость. Сайты знакомств он тоже ненавидит, однако на «Найди свою любовь» его друг встретил будущую невесту. Это не чета приложениям, помогающим найти партнера для секса на одну ночь. Никаких смахиваний вправо или влево. На одно лишь заполнение профиля уходит целый час. Фотографии одобряются модераторами. Как сказал Джонатан Филдз, все это напоминает бабушку, которая пытается пристроить тебя на свидание вслепую, чем изрядно меня насмешил.

Джонатан Филдз сказал, что ему нравится мой смех.

Мне же понравился тембр его голоса, и теперь одно воспоминание о нем вызывает теплую волну по всему телу. Уголки рта произвольно изгибаются в улыбке. Улыбке.

Чертковой улыбке.

Я так много рассказывала о работе, что, к моему облегчению, почти не говорила о себе.

Всю свою жизнь прыгая сквозь горящие обручи и крутя украшенные блестками кольца в группе черлидерш, я заработала впечатляющее резюме: бакалавриат в Принстоне¹, диплом магистра Колумбийского университета, работа на Уолл-стрит.

Уолл-стрит – одно из тех слов, которое всегда будет в этом мире, и неважно, насколько они устарели. Я работаю в Мидтауне², а это не так уж и близко от Уолл-стрит, который находится на самом краю Манхэттена. Да и моя компания не так крута как Голден Сакс³. День-деньской я просиживаю штаны за столом в офисе, читаю и пишу всякую ерунду, уповая на бога, что не ошиблась, так как остальным сотрудникам придется заключать договора и сделки на основании моих же рекомендаций. Моих, женщины двадцати восьми лет, которой понадобился мозгоправ, чтобы тот объяснял, как нужно жить дальше.

Джонатан Филдз работает в хедж-фонде⁴ в центре Нью-Йорка, поэтому он сразу понял, чем я занимаюсь.

Так он и сказал.

Я не упоминала о своем детстве здесь, в Бренстоне, когда с ватагой соседских ребятишек носилась в лесах за домом сколько бы мне ни вздумалось. Вместе с Роузи – и Джо, который жил выше по улице до старших классов, пока не переехал с семьей поближе к центру.

И ничего не говорила о том, почему не возвращалась сюда все эти годы.

Меня нет в социальных сетях и никогда там не было, так что навряд ли он сможет что-либо проверить. Я не назвала своей настоящей фамилии. Лохнер. В «Гугле» до сих пор можно найти Лору Лохнер и то, что она совершила – или же нет: за все эти годы там так и не пришли к однозначному мнению. С самого своего отъезда я пользуюсь девичьей фамилией матери. Харт.⁵ Лора Харт. Иронично, не правда ли? Называться так после того, как собственное было разбито.

Недомолвки – не ложь.

Роузи взяла фамилию Джо – Ферроу, так что во всем Коннектикуте не осталось ни одного Лохнера из нашего клана.

Я сказала ему, что приеду на минивэне сестры. Голубом. Унизительно. Я ищу новую машину, *просто в последнее время была слишком занята.*

В дверь стучат. Я открываю и вижу смущенного Джо. Вернувшись из адвокатской конторы, он так и не передел костюм, только ослабил узел на галстук и расстегнул воротник. В Джо почти два метра роста, и он, если только не согнется в три погибели, едва видит, что происходит за дверным проемом. Животик нависает над ставшим слишком тесным поясом брюк. И несмотря на это, Джо по-прежнему остается привлекательным.

– Я должен уговорить тебя надеть платье, – он выдавливает это из себя с таким видом, словно одно упоминание женской одежды лишает его яиц.

Снизу ему вторит голос жены:

– Да надень ты уже это чертово платье! Вот то самое, которое я дала тебе!

Джо улыбается и вручает мне стакан бурбона, который прикрывал ладонью:

– Ну и горластая же она! Сынку, черт возьми, теперь до утра не заснуть.

¹ Принстонский университет – частный исследовательский университет Лиги плюща в штате Нью-Джерси, один из ведущих в США.

² Центральная часть Манхэттена.

³ Один из крупнейших инвестиционных банков мира.

⁴ Инвестиционный фонд, ориентированный на оптимизацию доходов при заданном риске или минимизацию риска при заданной доходности.

⁵ Харт или *англ.* Heart – сердце.

На губах расплывается улыбка, хотя хочется плакать. Джо боготворит мою сестру. Она – его. И они оба обожают Мейсона. *Любовь, любовь, любовь.* Любовь окружает меня со всех сторон, заставляя сожалеть о том, что я так долго жила вдали от родных. И она же напоминает, почему так вышло. Любовь живет здесь, постоянно оставаясь недоступной для меня.

Делаю маленький глоток бурбона.

– Да уж, так ведь и было predetermined, верно? Ты женился на одной из Лохнер, – констатирую я.

Джо закатывает глаза и качает головой:

– Я в курсе. Уже поздно давать задний ход?

– Вроде того.

Джо вздыхает, бегло взглянув на наряд, висящий на душевой перекладине:

– Хорошо. Просто надень его. А этот парень... Лучше бы ему не оказаться мерзавцем, или я так надеру ему задницу...

Я киваю:

– Будет исполнено. Надеть платье. Надрать задницу.

Он продолжает, и тут я перестаю улыбаться:

– Ты уверена, что готова к новому роману?

Я вернулась обратно после расставания – это все, что им известно. Рассказать остальное не хватило мужества. Они рады моему возвращению. По-настоящему рады. И я боюсь встревожить и расстроить родных людей, открывая им очередную дурную главу своей жизни. И тот факт, что они не наседают с расспросами, лишь подтверждает: они ожидают самого худшего, и в действительности не хотят ничего знать. Возможно, им хочется верить, что я уже другая. И теперь, быть может, мы заживем как нормальные люди, потому что я изменилась навсегда.

Я знаю, отпуск за свой счет, взятый на престижной работе, и переезд взрослой женщины к сестре всего лишь из-за разрыва с любовником представляются изрядным сумасбродством. Из-за расставания с мужчиной, о котором они не ведали ни слухом ни духом. Насколько серьезно все было? Этот вопрос я читаю на лице Роузи каждую секунду, каждый божий день.

Обдумав вопрос, готова ли я к новому роману, смотрю на Джо, пожимая плечами:

– Скорее всего, нет.

Он саркастически замечает:

– Класс!

Мы говорили о том же самом до того, как я поднялась наверх. Джо наворачивал круги, протирая все поверхности, прислушиваясь к гудению посудомоечной машины, чувствуя удовлетворение от того, что после целого рабочего дня смог навести порядок. (Он – чистюля. В отличие от Роузи.) Счастливый хомяк, бегущий в своем колесе.

Просто развлекусь. Не буду ждать слишком многого. Пройдусь по стеклу, лишь бы на одну-единственную ночь стать свободной!

Роузи дала Джо кулаком по руке, и он театрально вздохнул, словно безмерно тоскуя по прежней холостяцкой жизни. Они оба довольны. Роузи, которая готовит мне кофе, жалуясь на предстоящий долгий день. Джо, который сидит со мной поздними вечерами на кухне, только он и я, каждый с бурбоном, отбрасывающий назад черные, небрежно ниспадающие волосы так, чтобы были видны залысины.

– Смотри! – вздыхает он. – Разве это не очевидно?! Я лысею от скуки!

Но я вижу правду. Вижу, когда они обнимают Мейсона, или целуются украдкой, думая, что они одни. Остальное – лишь разговорчики.

Их ведут счастливые люди, желая ободрить нас, остальных.

Наш друг Гейб тоже здесь. Гейб – четвертый пожизненный член нашей детской воровской шайки. Он жил прямо справа от нас с родителями и старшим братом, пока тот не поступил в

военное училище, а затем – в армию. Сейчас Гейб снова в том же доме, где вырос. Он выкупил его у матери, переехавшей после смерти мужа во Флориду.

Странно, что все трое до сих пор здесь. Там же, где я оставила их десять лет назад.

Только в прошлом году Гейб женился на женщине, с которой познакомился по работе. *Мелисса*. Она была его клиенткой, о чем он никогда не распространяется, так как, по его собственным словам, это *неловко и неприлично*. Гейб занимается компьютерной криминалистикой – иногда по заказу подозрительных супругов, какой и была Мелисса, когда они встретились. Он обнаружил улики, которые привели к ее разводу, а сейчас она замужем за Гейбом.

Он счастлив, но не до такой степени, чтобы можно было состричь по этому поводу. Полагаю, для его завлечения под венец потребовалось нечто большее, чем разговоры о ребенке. Мелисса была сломлена, а Гейбу нравится чинить все, особенно людей. Она была чужачкой для Роузи и Джо, а потом и меня, с тех пор как я вернулась домой. Мелисса переехала сюда из Вермонта к своему первому мужу, а теперь здесь из-за Гейба. Нам трудно воспринимать ее во всех ее ипостасях одновременно. Не спасает положения и то, что Мелиссу здесь скорее терпят, чем радуются ей, хотя все мы пытаемся это скрыть. Она высокая и тонкая как палка – настолько, что Роузи в ее присутствии даже при своих метре шестидесяти роста и весе меньше шестидесяти килограмм чувствует себя жирной коротышкой. Мелисса не в восторге от ругательств Джо: ее корбит каждый раз, когда тот бросает острое словцо. Отчего он, разумеется, старается употреблять их чаще. В прошлые выходные на барбекю Джо умудрился вставить четыре непечатных выражения в одну фразу. Что касается меня... Что ж, я одинокая женщина и храню уйму прожитых с ее мужем историй. Она слишком недалекая, чтобы понять нашу дружбу.

Так что, как говорит Джо каждый раз, когда Мелисса уходит, требуя от мужа сопровождать ее: «Ну и черт с ней!». Воровская шайка с Оленьего холма – крепкие орешки.

Сегодня Гейб задержался после ухода своей благоверной. Он с ухмылкой подмигнул мне и выдал что-то обнадеживающее, вроде: «Лора съест этого парня с потрохами. Она всегда была бешеной и бесстрашной».

Пытаюсь улыбнуться. С другой стороны, я бросила шикарную работу, потому что мне разбило сердце. Выходит, не такая уж я бешеная и бесстрашная, верно? Не слишком похоже на Лару Крофт или Джессику Джонс, способных надрать задницу и задать врагам жару. Мужчины штабелями падают к моим ногам – но нет, *мне не до них, потому что я должна спасти мир*.

Разговор, как и подобные до него, прервался прежде чем мы перешли к самому важному. К скверным делам, которые натворила эта бешеная и бесстрашная девчонка. Именно здесь, в этом городке.

Мейсон зовет Джо. От голоса племянника мое сердце тает. Вероятно, малыша науськала мать. Так и слышу: «Сынок, иди позови папу!». Она смакует вино. Джо закатывает глаза.

– Хочешь, оставлю тебе бутылку? – предлагает он.

– Кому из нас она нужна больше? – парирую я.

– Тонко подмечено. Очко в твою пользу.

Джо забирает выпивку и оставляет меня наедине с платьем и косметикой.

И зеркалом.

Джонатана Филдза я нашла не сразу. Я только зарегистрировалась на «Найди свою любовь» и все сделала не так. Первая ошибка – честное описание. Я заявила, что *независима, но способна к компромиссам*, предпочитаю *текилу шардоне, ныряние с аквалангом – лежание на пляже, кроссовки – шпилькам*. Призналась, что не знаю, хочу ли детей. Стыдобища!

Но ужасная, огромнейшая ошибка – фотографии. Они были свежие и без фильтров. Вот я на прогулке со старым другом. Играю с племянником на лужайке перед домом. Стою на кухне в футболке со стянутыми в хвост мышинными волосами. Никакого щеголяния грудью.

Мне они, то есть снимки, показались милыми. (Я не лучший специалист по женской груди.) Все это, весь профиль – это была я. Прежняя я.

Когда мы были маленькими и носились по лесу как настоящие хулиганки, за миллионы лет до первых мыслей о романтической любви, наша мать устраивала сборища на кухне. Однажды мы с сестрой вернулись домой, и нас никто не заметил. Не помню, что нам понадобилось в тот раз, но мы замерли за кухонной дверью, услышав мое имя в разговоре с матерью Гейба, миссис Уоллис. Мне было шесть, Роузи – восемь. Они пили кофе:

– Не знаю... Такой уж она уродилась. Трудно любить девчонку с руками, сжатыми в кулаки.

Никогда не забуду этого выражения. *С руками, сжатыми в кулаки*. Как и вывода о моей судьбе, который сделала мать. Роузи уволокла меня прочь из дома, обратно на улицу, где все было легко и просто. Она обратила услышанное в шутку, мол, наша мать постоянно ошибается во всем. Роузи пыталась защитить меня от горьких слов, но я твердо помню, какую гордость испытала оттого, что мать вообще удосужилась обо мне вспомнить. Мама, казалось, даже не подозревала о существовании своей младшей дочери.

Мы больше не возвращались к этому случаю – и к тому, насколько трудно меня любить. Сестра уже тогда заполучила Джо в свое полное распоряжение и схватила за него, как за блестящий поручень на карусели. Я же отвергла все мало-мальски женственное, отбиваясь руками, сжатыми в кулаки. От розового цвета. Улыбок. Платьев.

В погоне за любовью Роузи научилась ходить, а я по-прежнему остаюсь ползунком. Впрочем, она никогда не оставляла попыток обучить меня.

Я с предостережением взглянула на свое отражение в крохотном овальном зеркале. Карие глаза и волосы мышиного цвета.

Нет, нет и нет.

Нет! Никаких обращений к прошлому.

Губная помада, вишнево-красная...

Прежняя Лора каждое утро просыпалась с пустой папкой входящих на «Найди свою любовь». Ни смайлика, ни лайка, ни сообщения. Роузи, вопреки спрятанному за улыбкой беспокойству, помогла мне изменить профиль, и новая я удостоилась свидания с Джонатаном Филдзом.

Я натянула платье, расправила складки и затянула пояс. Мы с сестрой всегда носили один размер, хотя у Роузи были и грудь, и крутые бедра, и высокие скулы, и подарок небес – золотистые веснушки, от которых ее лицо светилось. Иногда мне кажется, что в далеком детстве я отказалась и от этого. Однако, бросив взгляд в зеркало, увидела то, что ожидала. Очаровательно. Я красотка.

На свидание я надела шпильки, еще не отправленные пылиться в подвал в коробке. Черные лодочки. Теперь меня уже ничто не остановит.

Круги под глазами убраны. Губы стали ярко-красными. Щеки порозовели. На мне прелестное платье. Я женственна и благосклонна к ухажерам. Умна, но послушна. Готова войти в жизнь своего избранника как новое кресло. *В джинсах я выгляжу так же хорошо, как и в черном коктейльном платье*. Я стала той, о которых, по их словам, мечтают мужчины. Именно такой, какими, по их собственным уверениям, являются женщины.

Это нечестно, но мои чувства не важны. Во всяком случае сегодня ночью.

Роузи учила меня, как выглядеть сексапильной, но не порочной. Остроумной, но при этом не отпугивать собеседника.

Это просто игра, Лора. На первом свидании следует вести себя как положено. Потом можно стать собой. Люди обычно не понимают, чего хотят, пока не увидят свою мечту прямо перед собой.

Да. Так и есть.

Джо был более практичным:

Мужчины не читают написанного в профиле. Они рассматривают снимки и оценивают степень своего возбуждения.

Иногда я думаю, что сойду с ума, пытаюсь во всем разобраться. Мозгоправ говорил мне, что ответы я найду здесь, дома. На вопросы обо мне и мужчинах. О себе и любви. И почему я не могу найти ее и всегда отвергаю, когда она настигает меня. На вопросы о себе, девчонке со сжатыми в кулаки руками, которую невозможно любить. Поэтому я здесь.

Наша мать была красавицей и всегда делала все, что от нее требовали. На сайте «Найди свою любовь» она произвела бы убийственный фурор. Тем не менее, отец бросил ее, когда мне было двенадцать. Он бросил ее, бросил нас ради женщины, старше нашей матери. Ради женщины, которая не носила платья. Он бросил нас и переехал в Бостон. Сейчас наша мать живет одна в Калифорнии, до сих пор пытаюсь забыть о своем первом возлюбленном.

Отца звали Ричард. Он ненавидел, когда его имя сокращали до «Дик»⁶ – по очевидным причинам. В шестнадцать лет я еще не свела знакомства с этим предметом.

Я устала искать ответ о своих отношениях с любовью. Но сегодня я не буду задавать никаких вопросов. Я не буду выяснять, почему Джонатан Филдз зашел на мою страницу: выбрал ли он меня потому, что возбудился от фотографий, или же из-за повисившейся самооценки после изучения фальшивого профиля. Я так от всего устала. Я хочу уже поставить точку. Я хочу покончить с этим. Хватит с меня борьбы. Я хочу быть счастлива как Роузи с Джо. Настолько счастлива, чтобы остричь самой по этому поводу.

Сделав глубокий вдох, я забираю помаду с полки. Выключаю свет. Выхожу, спускаюсь по лестнице. Сталкиваюсь на кухне с Джо и Роузи: они явно переложили чеснока в готовящееся блюдо. Гейб, несомненно без всякой охоты, вернулся к семейному очагу и жене. Однако я завидую ему, потому что его ждут. Он надломлен, но тоже счастлив. Ничто не совершенно. Я смирюсь с этим.

– О! – восторженно вздыхает сестра. – Ты в платье! – она отвлекается от готовки и прижимает правую руку к сердцу, как будто вот-вот произнесет Клятву верности флагу США. Непонятно, рада ли Роузи моему свиданию. Мы балансируем на тонкой грани между надеждой и тревогой с тех самых пор, как она приехала в Нью-Йорк забрать меня. И все же она рада, что я надела ее платье. Возможно, если я выгляжу так привлекательно, мое первое свидание пройдет нормально.

– Прекрасно выглядишь, очень элегантно, – кивает Джо с одобрительной улыбкой учителя, возвращающего тест. Педагога, а не извращенца. И тест с хорошей оценкой.

– Спасибо, – благодарю я с улыбкой, оставленной в ванной.

Я чувствую, как маленькие ручонки обвивают мои голые ноги и опускаю взгляд на карапуза.

– Ляля, – выдает Мейсон. Малыш жмурится, словно наслаждается моим обществом, запахом, знанием моего исковерканного имени и предвкушая, как я возьму его на руки и смачно чмокну в щечку. Однако он быстро устает от телячьих нежностей и начинает вырваться: голый, в одном подгузнике, он преисполнен неиссякаемой радости.

Не могу представить, чтобы я когда-то испытывала подобные чувства.

Роузи вручает мне ключи от машины:

– Ты приедешь обратно, так ведь? Или я вызову тебе такси...

Беру ключи. Я не собираюсь тратить на него много времени. Лишь столько, сколько понадобится для обольщения. Сестра растолковала мне, как это работает, так что наконец-то у меня все получится.

⁶ Дик (англ. Dick) – также половой член, ловелас.

Ключи я беру для гарантии. Приезд на сестринском драндулете обеспечит воздержание надежнее, чем небритые ноги. Спать я буду дома.

– Не забудь сумочку! – спохватывается Роузи, указывая на прилегающий к платью аксессуар, лежащий на боковом столике. – Я специально вытряхнула ее ради тебя.

Подхватив черный ридикюль, я кладу в него помаду и направляюсь к боковой двери, выходящей на подъездную аллею.

– Ты вернешься? – переспрашивает Роузи.

– Не беспокойся, – заверяю я.

Улыбаюсь родственникам на прощанье. Они смотрят на меня с другого конца комнаты, погрузившейся в молчание. Исчезающее с лица Роузи недолгое чувство надежды убивает ее и во мне. Радостные ожидания сменяет идущий в паре с ними страх, сковывающий сестру до мозга костей каждый раз, когда она смотрит на меня.

Я проглатываю вертящиеся на языке слова.

Не стоит волноваться, потому что сегодня я не собираюсь оставаться собой.

Мне не удалось провести ее косметикой и нарядом. Но она увидит. Что там, на чердаке, я оставила прежнюю себя. На этот раз я поступила правильно. Я выбрала Джонатана Филдза с его проверенным послужным списком в охоте за любовью и преданностью.

«Не тревожься, сестренка. Утром ты сама во всем убедишься».

На этот раз я поступлю правильно.

Даже если это убьет меня.

3

*Роузи Ферроу. Настоящее время.
Пятница, 5 утра. Бренстон, Коннектикут
Что-то не так.*

Роузи почувствовала это, едва открыв глаза в тусклом свете спальни. Двухлетний сынишка притулился у нее под боком. Соскучившись по теплу, Мейсон находил дорогу в родительскую постель подобно крылатой ракете с системой самонаведения. Одеяло Джо на полу: видимо, тот раздраженно скинул его, спешно ретируясь вниз на кушетку в гостиной. Втроем они уже не умещались на кровати, но ни у одного из супругов не хватало решимости отучить малыша от дурной привычки.

Света ночника было достаточно, чтобы рассмотреть белое ангельское личико. Белое как снег с копной темных, как у отца, волос. Маленький ребенок-мужчина.

Она прижалась щекой к его гладкой коже.

«Хорошо, – сказала она самой себе шепотом. – Все хорошо».

Но не верила этому.

Роузи потянулась к телефону на прикроватной тумбочке. Было пять утра, что объясняло пульсацию в висках. Накануне они легли позже обычного. Мейсон перевозбудился, уложили его с трудом. Когда после пяти сказок и дежурства на стуле у его кровати он наконец задремал, измученная Роузи запила две таблетки бенадрила⁷ бокалом вина. Она знала, что иначе проворочается до утра.

Джо ни о чем не спрашивал. Он и так знал. С тех пор, как у них поселилась Лора, Роузи на грани срыва. Она ездила за сестрой в Нью-Йорк в своем фургончике, помогала грузить вещи, как заботливая мать-медведица, спасающая собственное дитя с края утеса. И точно так же не переставала ворчать и суетиться, не выясняя подробностей, дабы не усугубить положения. От этой задачи все нервы ее тела раскалились добела, подготовив к любой катастрофе, какая бы ни разразилась впредь.

Джо поцеловал жену в макушку, когда та, свернувшись калачиком в супружеской постели, уставилась в пустоту. В ожидании убойного действия лекарства, смешанного с алко-голем, мыслями она стремглав неслась вниз по кроличьей норе, прокручивая самые ужасные варианты развития событий.

– *У Лоры все прекрасно, – заверил жену Джо, целуя в лоб. – Это просто свидание.*

Он вернулся вниз смотреть все спортивные передачи, какие только можно найти, и выпить пива. Джо едва не сиял от радости, уходя из спальни, ведь телевизор и весь первый этаж были в его полном распоряжении, он наконец-то мог там расслабиться. Их дом и без того невелик, а в последние недели после переезда Лоры стал казаться еще меньше.

Джо и Лора постоянно проводили время вместе на кухне или в гостиной: казалось, их общую любовь к сарказму и шуткам подогревает само присутствие собеседника. В том числе и Гейба, который навевался к ним чаще и, слава богу, без Мелиссы – Роузи ее недолюбливала. В окружении старых друзей Джо становился другим человеком. Он снова был сильным, юным красавцем, Вождем, правящим миром. Или, по меньшей мере, переулком Оленьих холмов. Его голос, улыбка. От них исходила твердая уверенность. Роузи скучала по прежнему нему. Однако время движется лишь в одном направлении. Детство не вернуть.

Джо сказал, что не переживает за Лору, а Роузи уже устала с ним спорить. У него на все находился ответ, на который ей нечем было возразить.

– Ты не знаешь ее так же хорошо, как я.

⁷ Снотворное, антидепрессант.

– Неужели? Я вырос с вами обеими.

– Но...

– Никаких но... Разве есть что-то, что ты знаешь о Лоре, а я нет?

Нет, не было, но все же слышать историю – далеко не то же самое, что прожить ее. Увидеть, почувствовать и впитать нечто неуловимое, не поддающееся описанию, но каким-то образом проникающее до самых глубин души. Джо, по его словам, не переживает за Лору, отправившуюся на свидание с незнакомцем из Интернета всего через несколько недель после бегства от собственной жизни из-за какого-то парня, которому она отдала собственное сердце, что бы это ни значило, а тот грубо отшил ее.

Действительно, Лора до того, как заявиться домой, ни разу не упоминала о своем бойфренде. Насколько серьезным мог быть их роман? Однако он заставил ее взять *отпуск без сохранения* на работе, завидном месте, где долго ждать не привыкли.

У Лоры, и это трудно отрицать, не складывалось с мужчинами. Странно, почему такая умница – а она, несомненно, ей была – каждый раз наступала на одни и те же грабли. Что Джо не мог понять, уловить и почувствовать неосязаемое, была причина *почему*. Последний разрыв был лишь симптомом.

Или, возможно, предупреждением.

Роузи прижалась губами к теплой щечке Мейсона и тихонько сползла с кровати. Проскользнула на цыпочках по скрипучему полу спальни, пересекла холл и спустилась в гостиную. На софе приютился муж, пытавшийся укрыть большое крепкое тело под маленьким для него шерстяным одеялом, чтобы не замерзнуть. Она прошла через комнату к эркеру и замерла на мгновение, пристально изучая обе стороны улицы и короткую подъездную аллею, где обычно парковался ее автомобиль. Шестеренки в голове закрутились с новой силой.

Роузи вернулась к дивану и трепала мужа по плечу, пока тот не заворочался.

– В чем дело? – пробормотал Джо. – Который час?

– Пять.

– Что случилось? Мейсон...

– Нет, с ним все в порядке. Спит.

Роузи устроилась на краю дивана, приткнувшись к мужу под бок. Он обнял ее, притянул к себе. От исходящего от мужа тепла, ощущения его физической силы, дыхание Роузи участилось.

– В чем же дело? – прошептал Джо.

– Машины нет на месте.

– Какой машины?

– Моей. Той, на которой уехала Лора.

Джо чмокнул жену в ухо и рассмеялся:

– Рад за нее, – ухмыльнулся он.

Роузи оттолкнула его и села, переводя взгляд с мужа на пустое парковочное место, видимое с дивана через эркер.

– Это не смешно! – возмутилась она.

– Она увлеклась. Ну и что с того? – ладонь Джо заскользила по бедру жены. – Может, и нам стоит?

– Прекрати. – Роузи оттолкнула его и встала. Сложив руки на груди и нервно сторбившись, она зашагала к окну.

– Тебе не кажется странным, как она изменилась, вернувшись домой после стольких лет? Знакомства в Интернете. Загул до утра...

Джо сел рядом, накидывая шерстяное одеяльце на голые плечи:

– Она пытается разобраться, вот и все. Возможно, просто время пришло. А может быть, она устала бежать от себя.

Роузи задумалась над его словами. Лора сбежала из городка, едва получив школьный аттестат. Она никогда не оглядывалась назад. На праздниках бывала у родных лишь проездом. Она посылала подарки Мейсону. Звонила, отправляла эсмэс, переписывалась по электронной почте. И никогда не приезжала надолго. Когда Роузи хотела встретиться с сестрой, то брала с собой Мейсона в Нью-Йорк, вынуждая Лору участвовать в их семейной жизни.

А сейчас, какая неожиданность, она здесь. Хочет измениться. Ищет *правильного* мужчину. Красится, носит платья. Внимает советам сестры, хотя прежде изводила ее, обзывая *девчонкой*, будто не было слова обиднее.

– *Ну давай же! Хватит быть такой девчонкой!*

Боже правый, на какие авантюры она подбивала их всех своими насмешками. Забираться на деревья выше крыш домов. Ходить по едва замерзшему пруду.

– За мной!

Сразу за домами на их улице начинался оазис дикой природы. Акры лесов, пересеченных тропинками и ручьями, стали местом их игр. Лора была младшей, и все ребята – в том числе Роузи с Джо – защищали ее от самой себя. Она же как изголодавшийся по ласке звереныш пожирала внимание сначала соседской ребятни, затем – монахинь католической школы.

Школы Святого Марка при монастыре Святой Троицы. Это была любимая шутка в их протестантской семье. В Бренстоне можно было учиться в приличной школе до восьмого класса, но после переполненные классы становились неуправляемыми. Частные школы стоили дорого. Как и дома в соседних городках, потому что ученики местных государственных школ гарантированно поступали в лучшие колледжи. Так что приходские школы были лучшим выходом для таких семей, как у Лоры и Роузи, особенно после ухода отца.

Весь преподавательский состав обожал Лору. Поэтому каждый раз, когда, начиная с восьмого класса и вплоть до окончания школы, ее уличали в курении и прочих неблагоприятных поступках, воспитанницу увещевали как овечку, рожденную без стадного инстинкта:

Разумнее оставаться с отарой, говорили ей. Только так можно выжить. Если не перестанешь отбиваться от остальных, придут волки.

Лора отвечала одно и то же.

Что ж, мне нравятся волки.

Роузи оглянулась на мужа.

– Пойду проверю Лорину комнату, – решила она.

– Не делай этого, – Джо чуть ли не умолял ее.

– Почему?

– Потому что Лора могла приехать на такси и наконец-то уснуть, а ты ее разбудишь. Она плохо спит с тех пор, как вернулась сюда. Она превращается в зомби.

– А если что-то произошло?

– Это всего лишь свидание.

– С каким-то парнем из Интернета.

– Так уж принято в наши дни. Кроме того, он стар как пень и водит «БМВ».

Роузи вздохнула:

– У меня дурное предчувствие, – пожаловалась она.

– В это время года ты всегда маешься дурью.

Он не ошибался. Едва начался сентябрь, но в воздухе уже ощущалась смена времен года, витал терпкий запах дыма наступающей осени, вытягивая из памяти воспоминания, так и не определившие там своего места. Но едва прокравшись из темных закоулков разума, они всегда разыгрывали до конца один и тот же сюжет.

Прохладный ночной воздух. Дым и жар, разносимые капризным ветром в разные стороны от костра. Треск влажных, не готовых умирать веток...

– А что, если это знак свыше? И касается Лоры? – Роузи вернулась к дивану и уставилась мужу в лицо.

– Пожалуйста, не буди ее. Мне не вынести сестринской ссоры в пять утра.

– Мне надо проверить, иначе не успокоюсь. Я потихоньку.

Джо схватил жену за руку, но вскоре сдался, едва Роузи началась вырываться.

Настоящие причины возвращения Лоры супруги по-прежнему не знали. Она никогда не упоминала имени парня, разбившего ей сердце. Они называли его Ослиной задницей. Если же рядом был Мейсон – то просто Ослом. Это была идея Джо. И никто из них не задавал Лоре вопросов, на которые она была не готова ответить.

Однако многое в ее истории не сходилось.

Я думала, что впервые в жизни поступаю верно.

Она говорила, что ходила к терапевту, пытаясь отучиться от вредных привычек, измениться. Однако если бы она все делала правильно, то ее любовник не испарился бы бесследно.

Монахини из Сент-Марка были правы: она всегда бежала из безопасного стада. И Лора была права. Ей на самом деле нравились волки.

Однако невинной овечкой она не была.

Поднявшись по лестнице, Роузи замерла, отдавшись воспоминаниям.

Дешевое пиво в пластиковых стаканчиках. Сигареты. Ароматизированный блеск для губ. Средство от насекомых.

У них существовала традиция провожать лето в ночь на последнее воскресенье перед началом школьных занятий.

Бренстон был небольшим городком, зажатым между проливом Лонг-Айленд с одной стороны и лесами штата Нью-Йорк с другой. Сразу у северной границы, до лесов и холмистых фермерских угодий, раскинулся заповедник и каньон, подходивший вплотную к переулку Оленьего холма.

Теперь семья Ферроу жила неподалеку от родных мест, но Роузи за одиннадцать лет ни разу не возвращалась туда.

Каждый год одно и то же. Дюжины местных подростков лопались от нетерпения в ожидании перемен. Это витало в воздухе. Новый сезон. Новый учебный год. Взросление. Желание нового и страх перед ним. Надежда боролась со страхом, как лето – с осенью. Роузи до сих пор помнит это чувство.

Они припарковали машины вдоль дороги из гравия и дошли пешком до небольшой полянки. Галдеж пьяных подростков перебивал звучащую из чьего-то динамика музыку. Она была на втором курсе колледжа. Лора перешла в выпускной класс. Джо тогда не поехал с ними. Его семья захотела провести последний выходной день в их доме в Кейпе. Гейб уже уехал в колледж. Из их четверки только сестры были на вечеринке. И только Роузи помнит, каково это – услышать вопль в лесу.

Наверно, хватит подобных воспоминаний. Возможно, теперь они навсегда покинут ее.

Роузи неслышно ступала по половицам. Их дом в стиле кейп-код построили в тридцатые годы. Полы на втором этаже из глазкового клена были великолепны, но старые, и громко скрипели от каждого шага. Роузи удалось прошмыгнуть мимо спальни, не разбудив сына, и спуститься в холл.

Лора жила в крохотной мансарде, прячущейся под самой крышей в конце коридора сразу за гостевой ванной. Из-под закрытой двери ее комнаты не пробивалось света.

Роузи старалась идти мягко и осторожно, не сразу перенося вес тела на ногу.

Вдруг она застыла, представив, как выглядит со стороны: крадется впотьмах по собственному дому, охваченная паникой, как и после рождения Мейсона. Сколько раз она будила мирно дремавшего малыша, просто потому, что хотела убедиться, дышит ли он? Ее страхи были ненормальны.

Но может быть, она была права. Возможно, что на то были свои причины.

Роузи опекала сестру сразу после ее рождения. Это было у нее в крови. Но этого оказалось недостаточно. В конце концов, она потерпела поражение.

Запах костра. Крик в лесу...

Она не забудет его никогда. Этот крик до сих пор у нее в ушах. Мгновенно затихло все. Никто не двинулся с места. Они словно остолбенели, пытаясь понять, что же это все-таки было. Ждали, повторится ли он вновь. И это случилось. За первым воплем последовал второй. Роузи искала у костра сестру. Даже когда ноги сами понесли ее к дороге, где стояли автомобили и откуда доносились вопли, она продолжала ждать и надеяться, что ошиблась. Что кричит не ее сестра.

Пара шагов – и дверь мансарды уже рядом. Она прижалась ухом к деревянной панели, прислушалась, не доносится ли оттуда каких-то звуков. Лора иногда засыпала под музыку или телевизор. Однако в комнате стояла тишина.

Роузи аккуратно повернула дверную ручку. Старую, скрипучую. От нее заклинит и дверь, когда она повернется на ржавых петлях. В комнату невозможно попасть незамеченным. Роузи зашла слишком далеко, чтобы заботиться о подобных пустяках, а память продолжала раскручивать калейдоскоп событий.

Они побежали к дороге, рассеявшись по лесу в поисках кратчайшего пути. Тропинки там не было. Стояла кромешная мгла. У кого-то нашелся фонарик. Кто-то еще успел забраться в салон и включил фары. Крики сменились рыданиями. На дороге были две фигурки. Одна стояла, другая неподвижно распласталась на дорожке из гравия...

Роузи медленно толкнула дверь, бормоча себе под нос. Они давно не в том лесу. Что она ни увидит в этой комнате, это ничего не будет значить. Лора – взрослая женщина. Может быть, она слишком напилась, чтобы сидеть за рулем, и осталась у того мужчины. Возможно, она осталась специально, чтобы с ним переспать. Она обещала вернуться на машине, но люди часто не держат слов. Особенно Лора. Особенно, когда речь идет о мужиках. Неудовлетворенные страсть и вожделение всегда были сильнее ее благих намерений. Ну и что с того, если даже она переспала с этим типом? Джо прав. Этот мужчина старше Лоры. Ему сорок, он разведен. Безобиден до скуки.

Все эти разумные доводы как появились, так и исчезли, не возымев никакого действия. Их прошлое, тот крик в лесу. Парень, лежащий у ног Лоры. Память продолжала играть с Роузи, возвращая в прошлое.

Она неслась к сестре, задыхаясь, зовя ее по имени. *Лора!* Роузи рядом с сестрой, смотрит ей в лицо. Страх. Отрешенность. Парень на земле. Лужа крови у головы. Первая любовь Лоры. Парень, который разбил ей сердце. Он мертв.

Воспоминания всегда приводили Роузи к этому концу. Неизменно. Она заморгала, отгоняя от себя последнюю картину, и вернулась к своему расследованию.

Лора на десять лет исчезла из жизни родных, но это ничего не значит. Роузи не переставала ждать новой трагедии.

Наконец дверь открыта, и можно включить свет.

Щелкнув выключателем, Роузи увидела, что постель пуста.

4

Лора. Шестой сеанс.

Три месяца назад. Нью-Йорк

Лора: Роузи думает, что причина во мне. Она говорит, что это я разбиваю сердца.

Доктор Броуди: И что ты скажешь по этому поводу? Что насчет тех, которые действительно тебя любили?

Лора: Они меня не любили. Им просто так казалось.

Доктор Броуди: Потому что они не понимали тебя?

Лора: Может быть. Роузи говорит, я выбираю тех, кто меня не полюбит. И именно поэтому я их и выбираю. Но зачем мне это?

Доктор Броуди: Ты пытаешься доказать.

Лора: Доказать что?

Доктор Броуди: Будет лучше, если ты сама ответишь на этот вопрос.

Лора: Не пойми меня превратно, но сейчас я начинаю тебя тихонько ненавидеть.

5

Лора. Вечер накануне. Четверг, 7.30 вечера.

Бренстон, Коннектикут.

Джонатан. Джон. Джонни. Джек. Я гадаю, как к нему обращаться, пока еду в центр города.

Уже пробки, я опоздала. Строительные работы. Однополосная дорога. Вот дерьмо. *Так принято – опаздывать. Пусть он подождет!* Это я говорю себе. Я могу быть одной из тех женщин, которые так поступают. Скрывая страсть. Скрывая желание.

Хочу предупредить его эсэмэской, но он говорил, что терпеть не может переписываться. Звонить не хочу – это будет явным перебором. И конечно же, как назло, телефон вот-вот сядет, а зарядку я оставила у себя в комнате. Не дай бог у Роузи есть запасная в машине.

Подождет же он минут десять. Или нет?

Минивэн пропах детским шампунем и яблочным соком. Роузи чистит салон каждую неделю, но это дела не меняет. Думаю, она настолько привыкла к этой вони, что уже не чувствует ее, как и запах застоявшегося кофе на кухне, который держится до тех пор, пока Джо не придет с работы и не опорожнит турку.

До прихода мужа кухня в полном распоряжении сестры, и я частенько вижу, как она там сидит, уставившись в пустоту, пока Мейсон смотрит мультики. Она наливает мне кислый кофе, чтобы избавиться от похмелья после ночных посиделок за бурбоном с Джо и Гейбом, и декламирует мантры, заученные во времена, когда она была феминисткой, с тем же выражением, с каким обычно раздает советы, как привлечь мужчин.

Тебе не нужен первый встречный, Лора. Ни в коем случае.

Банально, но все же замечу: легко говорить, что тебе что-то не нужно, когда это уже есть. С тем же успехом она могла бы сказать, что обошлась бы и без кофе, выдувая в это время вторую чашку подряд.

И все же я обдумываю ее совет, потому что начинаю переживать: вдруг он уйдет, не прождав и десяти минут.

Мне не нужен первый встречный.

Трудность в том, что после долгих лет раздумий, почему мне так сложно кого-нибудь найти, не так давно я встретила его – мужчину, который любил меня.

Он был со мной недолго, но за это время смог открыть во мне бездну желаний. А их оказалось так много. Желание, чтобы тебя обнимали и ласкали. Потребность смеяться и плакать, открывать другому душу. Желание быть замеченной. Понятой. Желание, чтобы в тебе видели не бешеную и бесстрашную девчонку, покоряющую мир, а крошку, тянущую за рукав или край пальто, глядящую наверх. Всегда, вечно глядящую наверх с наивной и простодушной надеждой, что кто-то в ответ тоже посмотрит на тебя и будет этому счастлив.

Какая же я жалкая со своими глупыми фантазиями.

Джонатан Филдз... Можно называть тебя Натан? Или Нэт?

Интересно, насколько он привлекателен в реальной жизни. Такие ли у него темные и густые волосы, как на фотографиях, а глаза – голубые. Такое ли безупречное тело, каким оно обрисовывается под рубашкой. Мне интересно, увижу ли я в его взгляде то, что так люблю. Порок. Хотя бы самую малость. Не в такой степени, как нравилось прежней Лоре, но достаточно, чтобы успокоить ее.

Но я не проигнорирую ничего, что увижу в Джонатане Филдзе с первого взгляда. Не буду обманывать себя, уверяя, что это тот, кто мне нужен, если доказательства обратного будут налицо. И не буду выдумывать повода очернить его, если на самом деле он хороший мужчина. Мне недостает природного чутья. Сегодняшняя ночь будет непростой.

Джонатан Филдз. Я почти на месте.

Стройка на Мейн-стрит позади. У местного Гайд-парка поворачиваю налево, и еще раз на Ричмонд-стрит. Втискиваюсь в свободное местечко на парковке. Мы встречаемся в ирландском пабе за квартал отсюда. Он по левой стороне. Паб угнездился между высококлассной закусочной и итальянским рестораником. У него есть летняя терраса. Детьми мы частенько проникали туда с фальшивыми удостоверениями личности. Наверное, теперь это стало сложнее. Хотя, возможно, нынешняя молодежь научилась лучше их подделывать. Наши же бумажки были еще более жалкими, чем мои глупые фантазии о любви.

У меня так много воспоминаний о детстве и юности в этом городке. Они подстерегают на каждом углу с тех пор, как я сюда вернулась.

Джонатан Филдз сам предложил это место. Он сказал, что живет рядом и поэтому здесь завсегда, так что бармены нальют ему бесплатный виски. И дело не в том, что виски ему не по карману. Он сказал это специально, но я пока не делала никаких выводов. Строительные леса я оставила дома. Никаких изобретений сегодня ночью не будет. Никаких реконструкций. И закрытых на очевидное глаз. У меня был великолепный врач, пусть я и была ужасной пациенткой.

Открываю пудреницу и придирчиво осматриваю отражение: тушь не потекла, щеки румяные. Я кусала губы, пока вела машину, поэтому накладываю новый слой помады, стираю ее остатки с зубов пальцем, не заботясь о том, что со стороны это выглядит не слишком привлекательно. Крово-красные зубы внушают опасение и, не заметь я оплошности, могли бы стать фатальной ошибкой на первом свидании.

Черт возьми! Неужели я становлюсь похожей на мать? Я захопываю зеркальце и смотрю через лобовое стекло на улицу. После того, как Дик бросил нас, мать не могла ни спать, ни есть без мужского внимания и готова была дойти до самого дна, лишь бы найти себе парня. После того, как Дик бросил нас, она уходила почти каждую ночь, и я помню, что ненавидела ее за это.

– Как я выгляжу, дочки?

– Нам по фигу. У нас домашние задания, контрольные работы, месячные, прыщи и прочие прелести переходного возраста, с которыми мы должны справиться сами, спасибо тебе за это большое, мамуля.

Я не хочу быть похожей на человека, которого ненавижу. Однако возможно, что это именно то, что нужно.

Во мне зарождается какое-то чувство. Это даже не волнение. Не нервозность. Особенное чувство, типичное в подобных обстоятельствах – для первого свидания после тяжелого разрыва. Это надежда, но настолько хрупкая. Надежда на смертном одре. Вокруг нее собрались люди, молятся. Священник, возвышаясь над ним, служит панихиду. Какая-то часть меня уже ее оплакала. Другая – не смирится, пока та не умрет окончательно, даже если будет покоиться в шести футах под землей.

Мне срочно нужно выпить.

Сжимаю ручку, открываю дверь. Хватаю сумочку, телефон, ключи. Закрываю машину, ставлю на сигнализацию. Семь часов тридцать восемь минут.

Шагаю так, словно мне плевать на все, перехожу улицу, иду к следующему кварталу. Сердцебиение участилось, меня это бесит. Замедляю дыхание, но это лишь усугубляет ситуацию. Щеки покраснели даже под слоем румян.

Перед пабом – небольшая компания людей, они курят, смеются. Они явно здесь не первый час и днем уже успели воспользоваться скидками на алкоголь. Обхожу их стороной, тяну за ручку двери. Захожу внутрь.

Бар мрачный. Еле освещен. Деревянные панели на стенах. Столики в глубине, на входе играет громкая музыка, у стойки люди всех возрастов, кроме среднего. Люди среднего возраста сидят дома с детьми. Сегодня четверг, в конце концов.

Внимательно рассматриваю толпу. Справа от меня – две гадкие девчонки, пьяные и распутные. Болтают с тремя молодыми руководителями. Придурок. Интересно, как они решат эту математическую задачу. Слева от меня – пятеро из медпункта. Они так и не переодели рубашки цвета сахарной ваты и не сняли бейджики. Мертвая зона – бар, вдоль которого расселись мужчины и женщины. И никто из них не скучает в одиночестве. Дерьмо. Он ушел? Он отшил меня? Нет, нет, только не это! Эта мысль пронзает меня насквозь, и я осознаю собственную уязвимость.

Быть уязвимой неуютно. Это заставляет меня чувствовать себя диким животным, пойманным в ловушку. Когда не остается ничего, кроме борьбы. Это возвращает меня к воспоминаниям, которые мне хотелось бы забыть. К ошибкам. К сожалениям. Они проносятся вспышками, сметающими все на своем пути, как зарин, разрушая каждый нерв моего тела. Парализуя меня ненавистью к самой себе.

Теперь понятно, что я поверила в существование Джонатана Филдза, который не что иное, а всего лишь имя, голос, история с сайта. Я позволила этому сложиться в моей голове в образ настоящего человека – так дети выдумывают себе воображаемых друзей. Безумие. Отчаяние. Я снова в это вляпалась. Я не следовала инструкциям. Это не предвещает ничего хорошего.

Рука ложится мне на плечо, я разворачиваюсь.

– Лора? – спрашивает он. Вот он... Джонатан Филдз, который пришел спасти меня от меня самой. Спасти себя от меня, хотя этого пока не знает.

Он прекрасен. У меня перехватывает дыхание от того, насколько он красив. И это я еще даже не выпила.

Голубые глаза. Темные волосы. Все как на фотографиях. Только камере не удалось передать деталей: скул, идеального носа. Слегка косую улыбку, скорее добрую, нежели самодовольную. Тело, стройное и мускулистое, полное мужской грации.

Увиденное сражает меня наповал.

– Да. Джонатан? – Я уже предельно собрана, хотя не понимаю, как мне это удалось. Взрыв эмоций чуть не убил меня на месте. Хочется заползти с головой под одеяло на чердаке у Роузи и на миг исчезнуть с лица земли.

Он изучает меня с головы до ног. Честно говоря, это немного странно, но если он хоть немного чувствует то же, что и я, то ничто не покажется странным. В глазах темнеет от прилива адреналина, и я уже не принадлежу себе.

Наконец он заговорил:

– Извини, просто... что же, ты правда очень красивая.

Его слова запускают скрытый у меня в голове процессор. Я беру себя в руки. Очищаю кровь от зарина. Адреналин уходит, и слова проникают внутрь. Он сказал это искренне. *Щелк – проверено*. Они объясняют его блуждающий взгляд. *Щелк – проверено*. Все нормально.

Улыбаюсь. Вынужденно. Издалека доносятся голоса. Сестры. Призраков прошлого. Они велят мне со всех ног бежать из бара.

Возвращайся домой. Забирайся под одеяло.

Он осматривается. Взгляд задерживается на дальнем зале, где есть столики. Его улыбка тает, но лишь на мгновение.

– Послушай, – предлагает он. – Сегодня здесь настоящее столпотворение. Честно говоря, хотелось бы перебраться в местечко потише, где можно побеседовать и лучше узнать друг друга.

Он прав. Здесь шумно и пахнет протухшим пивом. Посетители гогочут, потому что уже успели надраться к семи сорока пяти вечера в четверг. А ему хочется поговорить. Это хороший знак. Я возвращаюсь с обрыва эмоционального ада.

– Конечно, – соглашаюсь я. И снова улыбаюсь.

Он берет меня под руку и ведет перед собой к двери. Когда мы проходим мимо шлюх, мудаков и рубашек цвета сахарной ваты, мне кажется, что кто-то зовет его по имени. Пытаюсь оглянуться на столики, откуда слышался голос, но Джонатан шел сзади и жестом велел не останавливаться. Он открывает передо мной дверь и ведет на улицу. Оттуда – к пересечению Ричмонд-стрит и Мейпл-стрит. Он не останавливается, пока мы не доходим до аптечной парковки.

Я слеую за ним, не спрашивая, куда мы идем.

Не знаю, почему.

Впрочем, это не совсем правда.

Джонатан поворачивается ко мне, немного взвинченный. Он смотрит мне за плечо, затем – на меня, улыбается:

– Прости меня. Там было нелегко собраться с мыслями. У меня выдался трудный день.

Я отвечаю как по писанному:

– Все хорошо. У меня тоже такое было. Что ты предлагаешь? – Я такая понимающая. *Все для тебя, Джонатан Филдз.*

Он указывает на здание ниже по улице:

– Я там живу. Машина в гараже. Давай возьмем ее и поедем к берегу? Там полно разных мест.

– Конечно! – восторженно соглашаюсь я. *Все, что пожелаешь, Джонатан Филдз.*

Мы пошли.

– Надеюсь, ты не поймешь меня превратно, но я почувствовал такое облегчение, когда тебя увидел.

Теперь понятно. Он прятался где-то в глубине бара, пока не разглядел меня до мельчайших подробностей.

– Ну и что бы ты делал, окажись я старой, жирной и страшной как смерть? – Мой тон становится вызывающим, и я снова себе отвратительна. Слышу голос Роузи. *Это несложно – просто, ради бога, будь милой!* Милой. Быть милой. Не вызывающей. Не дерзкой.

Вопреки ожиданиям он смеется. Моя дерзость его позабавила. С трудом удерживаю себя от поспешных выводов. От каких-либо предположений. Может быть, он просто нервничает. Люди часто смеются от волнения. Его смех не значит, что он увидел прежнюю меня. Настоящую меня. И она ему нравится. Это вообще ничего не значит. Мы только что познакомились. *Не выдумывай его.*

К тому же, нервничать стоит мне. Я спускаюсь на подземную парковку. Одна, с мужчиной. Незнакомцем. Кругом – ни души.

Он достает ключи и щелкает кнопкой. Загораются фары седана «Тойоты». Не той машины, какую я ожидала от сорокалетнего банкира без маленьких детей, которых нужно кормить. Это не черный «БМВ», о котором он мне рассказывал.

Проблема не в том, что меня волнуют деньги. Я влюблялась в разных мужчин. В преподавателей. Студентов. Был даже разнорабочий. Просто дело в том, что что-то здесь не сходится. Хотя что я вообще знаю о разводе, алиментах, затратах на содержание дома и квартиры? Ничего. Ну или самую малость. Это же не наука о ракетостроении. Возможно, «БМВ» в ремонте. Я мастер выдумывать истории.

В любом случае уже поздно рассуждать. Он открывает дверь со стороны пассажира, и я сажусь. Срабатывают блокираторы, и у меня сжимается внутри.

Предполагалось, что все будет просто. Что я не буду прежней. Просто девчонкой, нарядившейся в платье, которая спешит на свидание. Голова идет кругом. Я так устала от эмоцио-

нальных качелей за эти последние пятнадцать минут. Факты не дают мне покоя. Машина. Его рассказы...

И голос женщины из глубины бара, звавший его, когда мы спешно ретировались.

Прошу тебя, Джонатан Филдз, докажи, что я ошибаюсь.

Умоляю, будь тем мужчиной, каким представлялся. *Пожалуйста.*

Только бог знает, что я сделаю, если ты лжешь.

6

Роузи. Настоящее время. Пятница, 5.30 утра.

Бренстон, Коннектикут

Роузи стояла перед пустой кроватью. Она зажала рот ладонями, не давая страху воплем вырваться наружу. Она уже развернулась, собираясь бежать вниз и сообщить Джо, что сестра на самом деле не ночевала дома. Но передумала. Он снова повторит версию, что Лора *увлеклась*. Что какой она была, такой и осталась. Поэтому за поиски сестры Роузи взялась сама.

Это неудобно – копаться в вещах Лоры, так что Роузи медлила, обдумывая свои действия. Это грубое нарушение личного пространства. Однако ничего другого не оставалось. Она знала сущность сестры, но о том, что за эти десять лет в ней изменилось, не ведала ни сном ни духом. Только безобидные факты. Что она изучала в колледже. Основные рабочие задачи в качестве аналитика. Смутные представления об офисе и коллегах. *Стервозная Бетти. Горячий Генри*. Там у нее появилась лучшая подруга Джилл. Они вдвоем всем дали забавные прозвища. Смешные, но без перехода на личности. Роузи понятия не имела, была ли сестра там счастлива или нет.

Когда Роузи звонила сестре или даже приезжала с сыном, они обсуждали лишь закусовые, говорили о политических скандалах, о Мейсоне, не желавшем спать в своей кровати, сплетничали о степфордских женах⁸ с курсов молодых матерей. И никогда не говорили о том, что за эти десятилетия изменилось в Лоре. И в ней самой. Роузи никогда не видела соседку сестры по квартире: похоже, та вечно уезжала на выходные. В Нью-Джерси у нее был парень с собственным домом.

Возвращение Лоры воспринималось скорее как приезд в гости общего друга, а не члена семьи. Так что находиться в ее комнате и рыться в личных вещах было стыдно вдвойне.

С другой стороны, Лора была ей *сестрой*, и Роузи переживала так, как могут переживать только члены семьи, имеющие общее прошлое и воспоминания. Секреты, заставляющие ее волноваться еще сильнее. Она как мать-медведица, защищающая своего медвежонка.

Что-то стряслось.

Ей знакомо это чувство. Оно живет в ней с тех самых пор, когда она ходила с косичками и носила клетчатые юбки,⁹ и уже тогда только ей одной удавалось находить сестру, сотрясающуюся от рыданий под кроватью в спальне – именно там Лора прятала от всех свои слезы. Или находить ее на том высоком дереве и, преодолевая боязнь высоты, отчаянно лезть за ней наверх.

Никто и не помнит, что Роузи не раз приходилось карабкаться вслед за сестрой, забывая о собственном страхе, чтобы помочь той спуститься на землю. Но так оно и было.

А что же теперь, Лора? Где ты?

Отбросив дурные предчувствия, она внимательнее, чем прежде, оглядела спальню. Так, будто никогда прежде не видела. Неважно, что она приносила сюда сестре еду, приводила Мейсона попрыгать на кровати. Заглядывала, чтобы спросить, не хочет ли Лора прогуляться или прокатиться на машине или улизнуть в бар после возвращения Джо с работы. Она была здесь десятки раз, но никогда не воспринимала комнату вне Лоры. Остальное было лишь фоном, декорацией. Теперь же в отсутствие сестры все видится иначе.

⁸ «Степфордские жены» – фантастический триллер А. Левина, по мотивам которого снят одноименный фильм. Подразумеваются супруги, не способные на самостоятельное поведение.

⁹ Форма в младшей и средней школе.

Роузи огляделась. Четыре кофейные кружки: одни пустые, другие – с засохшей гушей. Три грязных блюда. Четыре стакана. Роузи аккуратно собрала посуду, методично ставя ее на пол прямо в коридоре.

Затем она окинула взглядом неубранную кровать. Черные тени для глаз на подушке. Простыни и одеяла, смятые в тревожных снах. Мечтах. А может, и кошмарах.

Лора, тебе по ночам не дает покоя прошлое? Именно поэтому ты не можешь заснуть?

Она расправила постельное белье и застелила кровать. Вернула на место подушки, валявшиеся на полу. Присутствие Лоры ощущалось повсюду. Ее запах. Разбросанная одежда. На стуле. На прикроватной тумбочке. И даже на полу. В шкафу – вещи свисали с полок, Лору, похоже, не заботило, что они помнутся. Как и не волновал порядок. Роузи расправляла одежду, проверяя карманы, избавляясь от царящего в комнате хаоса, словно это поможет обратить время вспять и вернуть Лору домой живой и здоровой.

Она уселась за Лорин стол не раньше половины шестого. Чернел экран открытого ноутбука. Документы и книги сложены стопками. Планшет. Ручки. Заметки на листах. Роузи принялась просматривать их, поначалу медленно, осторожно, будто опасаясь, что за этим занятием ее вот-вот застукает Лора. Смешно. Разумеется, она пытается найти что-нибудь, хоть малейший намек на то, куда могла уйти сестра. И лишь потому, что Лора забрала ее машину, которую обещала к утру вернуть.

Страница за страницей – и ничего, кроме работы. Сведения о компаниях с комментариями. Она говорила, что всегда на высоте. Роузи не слишком ей верила.

Она перешла к выдвижным ящикам, но большинство из них пустовали. Правда, в одном завалился старый степлер Джо, еще с тех времен, когда он работал за этим столом. Еще ручки. Скрепки. Ничего личного. Даже чековой книжки.

Задвинув последний ящик, она снова устроилась за столом, уставившись на компьютер. Она медленно водила пальцем по сенсорной панели, пока экран не ожил. Вход был без пароля.

На ожившем экране высветилась фотография.

Женщина вздрогнула: на нее смотрела Роузи, только лет, наверное, десяти, вместе с Лорой, которой было примерно восемь. На заднем плане, на берегу ручья, что был сразу за их домом, два маленьких мальчика. Она их сразу узнала.

Один из них был Джо – сильный, загорелый, с длинными черными волосами, заправленными за уши. Как странно видеть его таким мальчишкой – он напомнил ей о том, что они дружат с самых пеленок, что они были не разлей вода, озорными, свободными и юными.

Второй был, конечно же, Гейб. Он – полная противоположность другу: высокий, тощий, со стрижкой ежиком. Все четверо были настолько разными, будто специально отбирались для телевизионного шоу. И несмотря на это друзья всегда держались вместе – новые ребята приходили в их компанию, исчезали, а они оставались неразлучными до конца средних классов, пока Джо не переехал поближе к центру. Роузи много лет не видела этой фотографии, с отъезда матери в Калифорнию. Без всяких сомнений, Лора сделала копию и отсканировала ее. Но когда? И зачем? Лора ненавидела все, связывающее ее с прошлым в этом городишке.

В тот день они собирали лягушачью икру – скопления серого студня с крохотными черными пятнышками. Ее обычно клали в ведра с водой и ждали вылупления головастика, но за много лет такое случилось лишь однажды. Они были слишком малы, чтобы знать, что отложенные икринки нуждаются в оплодотворении. Им это было неважно. Они получали радость от охоты и самого ожидания, и, конечно же, их крепкой дружбы.

На Роузи были шорты в леденцовую полоску и розовая блузка с оборочками на воротнике. На Лоре, похожей на мальчишку-сорванца, – грязные джинсы и рваная футболка. Сестры были загорелые, с выцветшими прядями от солнца волосами. Роузи широко улыбалась и смотрела прямо в камеру. Выражение лица Лоры нельзя назвать отсутствующим: наоборот, у нее был пылкий взгляд, устремленный не в камеру, а на человека, державшего ее в руках. Она

смотрела на отца, но изображение младшей сестры смазано, потому что фокус был не на ней – как и внимание фотографа. А на Роузи. Не на Лоре, взглядом умолявшей камеру повернуться к ней. *Боже милосердный*, как же ранит подобное пренебрежение, хоть она и сталкивалась с ним далеко не впервые.

Роузи наклонилась, вглядываясь в лицо сестры.

Когда это все началось?

Гневный ребенок, неконтролируемые вспышки ярости. Роузи пытается вспомнить. Это было всегда. Всю жизнь, сколько она себя помнит. Лора разбивала в кровь кулаки, молотя по стене и снося штукатурку, еще когда не отказывалась носить розовые платица. Роузи закрыла глаза, возвращаясь в далекое прошлое. Кровоподтеки на белоснежной ручке. Слезы, текущие по щекам с веснушками. Ей было не больше шести.

Разве хоть кто-то удосужился обратить на нее внимание? Взрослые по соседству жили своей насыщенной жизнью. Юные парочки потягивали коктейли у кого-нибудь на патио. Жены пили кофе на кухнях. Мужья надирались пивом по воскресеньям днем, рядом с ними лежали без дела газонокосилки.

От нахлынувшего волной стыда Роузи зажмурилась.

В тот день на кухне мать сказала миссис Уоллис, что Лору, с ее сжатыми в кулаки руками, трудно любить. С яростью внутри нее. Возможно, что взрослые, все вместе взятые, и стали ему причиной. Теперь, став матерью, Роузи знала это. Знала, как легко причинить зло одним лишь словом. Или убить равнодушием.

Впрочем, сейчас это уже не важно. *Прошлое не вернуть.*

Роузи начала кликать иконки, открывая файлы.

Через два часа заскрипели половицы. Сначала под тяжелой размеренной поступью мужа. И следом запищали быстрым шарканьем сына.

Она услышала, как ее зовут.

Сначала Джо:

– Роузи?

Затем Мейсон:

– Мама?

Утро вступило в свои права, хотя она пыталась отрицать это. Даже когда темное небо посерело и постепенно стало оранжевым. Даже несмотря на неугомонно тикающие часы на прикроватной тумбочке. Минуты сложились в часы, но подъездную аллею так и не осветили фары.

– Роузи? – тихонько постучался муж.

– Я здесь, – ответила она.

Заскрипела дверь. Джо с Мейсоном на руках застыл в проходе. Как всегда, ребенок был в одном подгузнике. Он не любил одеваться.

– И что ты тут делаешь? – поинтересовался Джо.

Роузи посмотрела на него широко раскрытыми безумными глазами. Она чувствовала, что именно так и выглядит – выражение лица мужа было тому подтверждением:

– Она не возвращалась домой.

Джо кивнул. Он отпустил вырывавшегося сына, и Мейсон тут же рванул к кровати Лоры и забрался на покрывала. У нее был мягкое стеганое одеяло, которое очень нравилось малышу, он любил его гладить и трогать.

– Итак, – спокойно отреагировал муж. – И ты все это время здесь? С тех пор, как разбудила меня ни свет ни заря?

Роузи не ответила. Женщина посмотрела на Мейсона и перевела взгляд на Джо. Неожиданно она почувствовала, будто сходит с ума – как и подозревал ее муж.

– Звонила в больницу? – спросил Джо.

– Четыре раза...
– На мобильный?
– Каждые четверть часа. Сразу перенаправляет на голосовую почту. Почему она не отвечает?

– Телефон разрядился. Смотри, – догадался он, показывая на розетку у плинтуса. – Она опять забыла зарядку. Как всегда.

Роузи кивнула:

– Я пыталась найти того парня на сайте, но их там столько! И все скрываются за никами. Я не смогла зайти с ее страницы – нужен пароль, а я не могу изменить его без доступа к почте. Я все перепробовала: дату рождения, инициалы... И без толку, открывается какая-то ерунда – все только по работе. Господи, я даже набрала переулок Оленьих холмов.

– Лора ни за что бы не использовала такого пароля... после того, что там было.

– Без тебя знаю! Я уже с ума схожу...

Супруг подошел к столу, за которым сгорбилась Роузи. Она подняла глаза на него, боясь, как бы он не прочел в них происходящее в ее голове.

– Не знаю, что и думать, чему верить.

– Послушай меня. Твоя сестра лежит в постели, зажатая волосатой подмышкой какого-то старикана. У нее похмелье и ей безумно хочется выбраться из капкана его объятий, не занимаясь с ним любовью, а именно это он потребует, едва проснувшись. Вот увидишь.

Джо вытянул руку и погладил жену по голове, ожидая улыбки. Вопреки ожиданиям, он не удостоился ее, и Роузи не уступала.

– Ты нашла хоть одно доказательство, опровергающее мою теорию?

– Вот что странно, – протянула Роузи. – Смотри... – она набрала «Джонатан Филдз» в поисковике. – Здесь нет записи о разводе, по крайней мере, в Коннектикуте.

Джо сел на край едва не упиравшейся в стол кровати и, развернув экран к себе, пробежал взглядом:

– Он мог развестись в Нью-Йорке или Нью-Джерси или где-то еще. Лора говорила, откуда он?

– Я думала, он из местных...

Джо энергично замотал головой:

– Не обязательно... послушай меня, он может жить где угодно, откуда можно добраться на машине.

– Так нам его в жизни не найти!

Мейсон заполз отцу на колени, перевернулся на спину и свесился головой вниз.

– Передохни. Еще рано, так что прими душ и глотни кофе. Сейчас ты похожа на душевнобольную.

– Премного благодарна. Именно этого комплимента я и добивалась.

Джо пощекотал сыну животик. Мейсон захихикал.

– Иди сюда, малыш. – Ребенок перебрался в материнские объятия. Роузи прижала его к сердцу и постаралась выдавить улыбку.

Вышло неубедительно.

– Я в душ.

Джо, перехвативший у жены сына, встал:

– Пойду сварю кофе и накормлю парня. Сегодня мне можно задержаться.

Часовая стрелка ползла от семи к восьми, от восьми – к девяти.

К половине десятого Роузи была безутешна.

И одержима Джонатаном Филдзом.

Она перебралась с компьютером Лоры к кухонному столу. Роузи не отрывалась от экрана, пролистывая страницы в «Гугле» с фотографиями его полных тезок. Оказалось, это настолько распространенное имя, что шансы найти нужного Джонатана Филдза сводились почти к нулю.

Джо, держа за руку Мейсона, другой – сумку Роузи, вместе с Гейбом стоял у кухонного островка. Их друг явился немедленно, будто специально дожидался звонка супругов.

– И какой у вас план? – уточнил Гейб.

– Я проеду по округе, поищу машину. Мейсон может пока взять планшет и посмотреть мультики.

– В Ричмонд, гараж на Мейн-стрит...

– Да, и в порту. Но она выехала за пятнадцать минут до встречи, значит, лучше начать с центра.

Роузи слышала разговор. Каждое их слово. Чувствовала спиной их взгляды, едва повисла тишина. Но не могла оторваться от фотографий.

Джо подошел к ней. Два шага – и он за спиной жены. Джо поцеловал ее в макушку:

– Я поехал. – Роузи подняла руку, на шаривая лицо мужа. Тот прижал ее ладонь к щеке и поцеловал. – Позвоню, если будут результаты. Жду от вас того же.

Роузи не могла заставить себя обернуться. Ей не хотелось видеть волнения во взгляде мужа. Вообще-то ему, каким бы он ни был, пора на работу, и Джо сейчас общался бы с коллегами и клиентами, не случись этой ночью беды.

Гейб отрапортовал за них обоих:

– Будет сделано.

Двери гаража лязгнули, открываясь и закрываясь. Гейб пододвинул стул, усаживаясь рядом с Роузи.

– Эй, – окликнул он, пытаясь привлечь ее внимание.

– Привет.

– Ты с концами зависла в сети? – Роузи отрицательно покачала головой. – Мы найдем ее. – Она еле заметно клюнула подбородком, но Гейб был неумолим. – Ну... Послушай меня. – Роузи повернулась. – Кроме того, что Лора страдает от похмелья в чужой постели, и тех версий, которые ты себе внушила, есть еще сотни вариантов развития событий. Большинство из них относятся к категории «Лора осталась Лорой». С тех пор, как твоя сестра вернулась, она вечно была на взводе.

Роузи снова кивнула.

– Не обращалась в полицию? – допытывался Гейб.

– Нет, ты же сам знаешь, нужно быть уверенным, что она на самом деле пропала. Господи, только представь себе! *Лора Лохнер, о которой не было слышно больше десяти лет, снова пропала – с мужчиной, которого едва знала...*

Приятель откинулся на стуле, выставив вперед ладони:

– Хорошо, принял к сведению. Никакой полиции, пока не убедимся во всем наверняка.

– По-твоему, это ошибка? Не звонить копам?

– Не мне принимать решения.

«Разумеется» – подумала Роузи. Бремя ответственности нести ей. Она хотела позвонить в полицию сразу, как увидела пустую кровать. Но вдруг она ошибалась? Или они с Джо *оба* неправы? Ведь это же Лора. Все понимали, что такое случится. Призраки прошлого выйдут наружу. В сонном городке это произведет сенсацию.

На экране вновь появилась фотография на фоне ручья, тотчас приковавшая взгляд Гейба:

– Подумать только! Какими мы были...

Он мечтательно улыбнулся, возвращаясь к воспоминаниям. Каждый играл свою роль в их детских приключениях. Джо был сильным благородным вождем, Роузи наблюдала, беспо-

койный сорванец Лора вечно влипала в авантюры. И в таких случаях выручал Гейб – мозг, просчитывавший операции.

Он как раз ей сейчас нужен. Человек, сохраняющий трезвость ума даже в буре невзгод. Тот, кто может все обдумать и просчитать. Гейб работает в сфере информационных технологий. Ему доводилось работать на клиентов, которым требовался доступ к скрываемым от них сведениям.

– Что мы можем предпринять? – потребовала Роузи, вырывая друга из его собственных воспоминаний.

Тот придвинул компьютер и вышел из спящего режима.

– На самом деле эти сайты знакомств с подробными профилями и сложными правилами облегчают жизнь проходимцам. На них проще пустить пыль в глаза. Мужчины знакомятся с женщинами, встречаются с ними, скрываясь от нежелательных свидетелей – жен или сожительниц, которые пытаются застукать их на этих сайтах. Такое невозможно повернуть в мобильных приложениях. Они связаны со страницей на Фейсбуке. Большинству людей неохота специально регистрировать на Фейсбуке второй профиль – а даже если и заведут, то будет очевидно, что страница левая.

– Мы можем войти в Лорин аккаунт? Проверить, с кем она общалась? – поинтересовалась Роузи.

– Нет, у нас нет пароля или доступа к почте. Ты говорила, что искала на сайте?

Роузи кликнула иконку с результатами поиска:

– Я ограничила поиск в пределах двадцати миль. Видишь, им может оказаться каждый из этих мужчин. У нас нет ни его фотографии, ни ника на сайте, поэтому нам никак не сузить поиск.

Гейб изучил страницы, всматривался в фотографии предполагаемых Джонатанов Филдзов. Затем его пальцы забегали по клавиатуре.

– Расширю радиус до тридцати миль... Можно распечатать эти страницы?

– Да. Но зачем?

Гейб уже держал телефон:

– У меня есть связи в Веризоне¹⁰. Можно узнать место, где она сейчас или была до того, пока телефон не сел. Посмотрим, что там находится, возьмем с собой фотографии. Возможно, нам повезет.

– Всего-то? – недоумевала Роузи. – Разве нельзя взломать почту или получить список звонков? Я знаю, что о свидании они договаривались по телефону.

– Это может только полиция, – отрезал Гейб. Он снова оторвался от экрана, прижимая к уху телефон. – При наличии ордера. То же самое и с сайтом знакомств. Они не хотят предавать своих клиентов. Это не в их интересах.

Роузи смотрела на друга, прислушиваясь к телефонным гудкам. Кажется, трубку взяла женщина. Гейб поболтал с ней о пустяках, засмеялся. Однако едва он перешел к изложению просьбы, тон его стал серьезным.

Господи, хоть бы она помогла...

Позвонил телефон Роузи. Она схватила его со стола. Под пристальным взглядом Гейба прошла по кухне. Это был Джо.

– Алло, – прошептала Роузи.

Крик мужа перекрывал шум уличного движения. Каждое слово доходило громко и отчетливо.

– Я нашел машину! Она на Ричмонд-стрит! Я нашел ее!

Слава богу!

¹⁰ «Веризон Коммьюникейшен» – американская телекоммуникационная компания.

– Лора там? Что в салоне?

Лицо Гейба приняло заинтересованное выражение.

Голос Джо сел:

– Только вторая ее сумка. В ней ничего, один мусор. На лобовом стекле две квитанции на оплату парковки – один чек выбит вчера вечером, без пятнадцати восемь, второй – сегодня в десять утра. Машина простояла здесь всю ночь. Что вы намерены предпринять?

Вместо ответа Роузи отняла телефон от уха и посмотрела на Гейба, качая головой. Тот, очевидно, все понял.

– Роузи? – переспросил муж.

– Возможно, Гейб сейчас что-то узнает...

В ее трубке воцарилось молчание, пока Гейб ждал собеседницу. Выслушивая ответ, он встал и заходил по кухне.

– Ты уверена? – спросил он женщину на другом конце провода.

Джо заговорил снова:

– Что он выяснил?

– Оставайся на связи, – попросила Роузи и обратилась к другу: – Что тебе сказали?

– Телефон выключен или вне зоны действия сети. До начала двенадцатого, пока он не вырубился, сигнал исходил с набережной.

– Но это же за много миль от Ричмонд-стрит, Джо только что нашел там машину, – пробормотала она. Все смешалось у нее в голове.

– Роузи?! – завопил Джо.

Она заорала в ответ:

– Только держись... Лоры там нет... Она не на Ричмонд-стрит... она была в порту! Господи! Какого черта она там делала?

Гейб поспешил к ней и вырвал телефон.

Он был такой серьезный в своем синем костюме. Они обменялись с Джо парой фраз. Мужчины договорились встретиться на парковке. Джо возьмет запасные ключи и поедет домой на найденной машине. Роузи пересядет в его машину и поедет за Гейбом в порт на поиски Лоры. Они снова играли привычные с детства роли. Гейб отвечает за план действий, Джо руководит.

– Что будем делать? – Роузи беспомощно ожидала указаний.

– Нам нужны фотографии. Где принтер?

– В мансарде... У Лоры. – Роузи, указав на лестницу, проводила друга взглядом.

От спазма в горле у нее перехватило дыхание. Предчувствие не подвело. Она накаркала беду. Действительно разразилась катастрофа. Лора пропала, а тревога от спутанных мыслей передалась мужу, а теперь – и Гейбу.

Лора...

Прошлым вечером сестра уже не казалась бесшабашным сорванцом. Она надела роскошное платье и нарядные туфли. Распущенные волосы развевались по плечам.

Лора...

И та фотография из прошлого напомнила о нескончаемой печали. Страстном желании понимания. Напомнила о крохотных окровавленных кулачках.

Гейб уже успел вернуться. Он заключил ее в кольцо дружеских объятий.

– Все будет хорошо. Я тебе обещаю, – заверил он.

Едва почувствовав, как намочла рубашка друга, она уже не могла сдерживать себя – слезы хлынули ручьем, Роузи больше не чувствовала себя маленькой беспомощной девочкой. Она единственная из них троих знала, что Гейб заблуждается.

7

Лора. Второй сеанс.

Четыре месяца назад. Нью-Йорк

Доктор Броуди: Почему ты пыталась пробить кулаками стену? Тебе было всего шесть...

Лора: Возможно, из-за пустяка. Родители часто говорили, будто я делаю из мухи слона. Если бы мне дали палитру всех цветов радуги, я бы все равно смешала все краски в черный.

Доктор Броуди: Посмотри, что с твоей рукой... У тебя побелели костяшки...

Лора: Извини... иногда я по-прежнему ощущаю запах штукатурки... Чувствую, как болят синяки...

Доктор Броуди: У детей, живущих в постоянной опасности, развивается обостренное восприятие. Иногда они правильно оценивают ситуацию, иногда – нет. Но они замечают все.

Лора: Я не в джунглях выросла.

Доктор Броуди: Угроза – и эмоциональное отрицание, в них все дело.

Лора: Ты потерял нить. Как это я эмоционально отрицала?

Доктор Броуди: Не знаю. Ведь именно с тобой это произошло.

8

Лора. Ночь накануне. Четверг, 8 вечера.

Бренстон, Коннектикут

Что-то не так с машиной Джонатана Филдза. Да, это «Тойота», а не «БМВ», однако что-то еще не дает мне покоя.

– Ты любишь музыку? – спрашивает он, когда мы остановились на светофоре. И смеется – наверное, над собой. – Ну и глупости. Конечно же любишь. Я хотел уточнить, какую именно? Я могу поискать что-нибудь на радио.

Вот в чем дело! Машина оборудована радио. Самым настоящим, с кнопками и ручками. Звук переключается поворотами вправо-влево. Каналы на длинных белых стрелах ищут рычажком, вверх-вниз. Радио с частотной и амплитудной модуляцией. Без спутниковой связи. Без разъемов для айфона и флешек, беспроводной связи. И все же это не допотопная развалина. Машина пахнет как новая. Будто только что из салона.

Джонатан ищет канал и останавливается на какой-то ерунде вроде «Сорок хитов чего-то там», и я снова чувствую себя четвероклашкой, едущей с бабушкой в машине.

– Подойдет? – спрашивает он. Смотрит на меня и улыбается. Загорается зеленый свет. Он поворачивает направо с бульвара Шаффер на Гранд-стрит.

Я колеблюсь, но мне все труднее сдерживать себя. Гранд-стрит не по пути, если мы едем на побережье, и, скажем так, это не самый живописный маршрут. Мы едем по районам, наиболее уязвимым во времена экономического спада.

– Ты знаешь тайный способ подрезать путь? – интересуюсь я. Не самый удачный вопрос, но все же лучше, чем «Какого хрена ты делаешь?». А именно он вертится у меня на языке.

Он невозмутим.

– Нет, – протягивает он с вопросительной интонацией.

На что я выдаю заготовленный ответ:

– Просто Шаффер спускается прямо к берегу. Проходит под железной дорогой и шоссе. – Повернувшись, я указываю верное направление, от которого мы только что отклонились.

– Я еду так, чтобы не стоять на светофорах, – заявляет он. В уме ему не отказать. Только светофоров на этом пути тоже предостаточно, к тому же приходится ехать медленнее, потому что богом забытые подростки, ночами наводняющие тротуары, могут шагнуть прямо под колеса, не обделавшись со страха. Это их район, и они вытворяют здесь все, что вздумается. В старших классах мы наведывались сюда за марихуаной, и в этом отношении сейчас ничего не изменилось. Не стоит даже соваться сюда, если ты не местный или не желаешь прикупить травки.

Наверное, дело именно в этом, решаю я. Возможно, он слишком пристрастился к курению конопли и завернул сюда по привычке. Это я еще в силах пережить.

По радио заиграла Адель, и я снова обращаю внимание на приемник. Дело не только в нем. Вся панель в духе прошлых времен. Копия. Красно-белая. С кнопками и ручками, которые нужно крутить или жать не только чтобы настроить радио, но и включить обогреватель, дворники, сбросить пробег. Рядом с этим даже машина моей сестры покажется космическим кораблем. Сиденья обиты синей крапчатой материей. Подлокотники сделаны из дешевого пластика. За руль такой тачки добровольно не сел бы ни один крутой парень. Тем более Джонатан Филдз.

Разговор не клеился. Он оказался тягостным для меня, напомнив о дистанции, которую нам предстоит преодолеть, чтобы перестать быть чужими друг другу. И о том, насколько отчаянно я желаю пройти ее хоть с кем-нибудь. Однако ситуация выглядит безнадежной.

Возможно, это все навеяно Адель. *Черт побери, Адель, что тебе нужно для счастья?* Я трогаю ручку поиска, чтобы приглушить ее.

– Ты говорила, что вернулась совсем недавно, – он поддерживает разговор.

– Ага.

– Из Нью-Йорка?

Я говорила ему об этом по телефону.

– Ага.

Я знаю, это выглядит по-детски. Так отвечает прежняя Лора, а новая требует от нее заткнуться вместе с Адель и ее льющим из эфира отчаяньем и завести милую беседу. Я говорю себе, что способна проделать долгий путь к любви, если буду следовать правилам, одному за другим, а начать нужно с нормального ответа на его вопрос.

– Я была финансовым аналитиком. Уставала постоянно ходить в офис. Я могу делать то же самое и дома, тем более что есть спрос на независимых специалистов. – Он притворяется, будто ему интересно. – Я работаю только в одной отрасли – химической, и с фармацевтами. Однако приходится также следить за смежными отраслями, торговой политикой, общим состоянием в экономике, курсами валют... Ох, я тебя утомила, да?

– Вовсе нет, что ты. Я сам занимаюсь чем-то подобным, слежу за инвестициями, – заверил он. – Я ездил на работу в Нью-Йорк. Потом моя компания открыла филиал в Бренстоне, это казалось более разумным, тем более я тогда был женат и верил, что у нас будет хорошая семья.

– А теперь ты застрял здесь? Они не собираются возвращать тебя обратно в Нью-Йорк? – Очевидный вопрос, верно? Но дается он мне нелегко.

– Я пока не думал об этом. Просто пытаюсь вновь встать на ноги, понимаешь?

Сочувственно киваю. С другой стороны, он развелся больше года назад. Детей нет. Интересно, неужели он все еще любит жену. Точнее, свою *бывшую* жену.

– Твоя сестра до сих пор здесь – и ничего, не жалуется, – замечает он.

– Роузи может быть счастлива где угодно, – парирую я. Она счастлива с мужем, ведь мы вместе выросли, ну и потому что это Джо. Она была счастлива, уехав за ним в Университет Коннектикута. Радовалась возвращению в родной город и работе административным помощником (читай – секретаршей), чтобы помогать мужу оплачивать юридическое образование. Теперь счастлива сидеть дома с Мейсоном. Она всегда была такой.

Иногда я хотела бы быть как Роузи. Хотела бы получить ее волшебный эликсир счастья.

Я бы хотела, чтобы существовал такой рецепт. И опять же – я точно была бы единственным человеком на свете, перепутавшим все пропорции ингредиентов.

Джонатан Филдз сворачивает влево, и мы наконец проезжаем под железной дорогой и шоссе. Теперь нам предстоит еще один поворот налево, чтобы вернуться на бульвар Шаффер, с которого началось наше путешествие. Мы просто проехали по большому треугольнику. Однако я молчу. Он не водит как старожил, проживший в Брестоне год. А так, будто недавно сюда переехал.

Мы паркуемся за четыре квартала от улицы с барами и ресторанами по соседству с жилыми домами на набережной. Это вход в пролив Лонг-Айленд, не совсем океан. Больше похоже на реку. Однако тут есть и лодки, и закаты, и все остальное. Запах океана. Шум волн. И это достаточно далеко от той части города, где живут люди вроде моей сестры, что привлекает сюда молодых и одиноких.

И разведенных папаш со всей округи, мечтающих с кем-нибудь переспать.

Возможно, и к лучшему, что он не знал кратчайшей дороги в порт.

Иначе у меня было бы больше поводов для беспокойства.

На Джонатане Филдзе темные дизайнерские джинсы и свободная рубашка, заправленная под ремень. Лоферы. Темные носки. Две верхние пуговицы расстегнуты – этого достаточно, чтобы увидеть клочок волос на груди. Никаких украшений. *Слава богу.*

Я обожаю мужчин с волосатой грудью. Истинные самцы. Мужественные. Не понимаю, зачем кто-то из них делает восковую и лазерную эпиляцию. Мне нравятся настоящие мужчины. В их присутствии я могу сложить свой щит и меч, не опасаясь попасть в засаду в ночи, так как есть кому охранять периметр. Приятно быть частью армии, пусть и маленькой.

У Ослиной задницы на груди были настоящие заросли. У меня вошло в привычку запутывать в них пальцы. И вдруг я понимаю, что невыносимо соскучилась. Вспоминаю его имя – настоящее, и чувствую объятия. Ощущаю его кожу на своей, переплетение рук и ног, слияние тел. Чувствую теплое дыхание на шее, когда его губы ищут путь к моим. Долгий поцелуй. Стон.

Когда, утомленные, мы неподвижно лежали рядом, он сказал: «*Я люблю тебя*».

И я поверила. Впервые в жизни я позволила себе довериться.

Это была ошибка. Больше такое не повторится.

Теперь же... Я должна начать все заново, проделать очередной долгий путь из незнакомки в любовницу. Я так устала, а ведь мы еще даже не начинали, *Джонатан Филдз*.

Он вытаскивает ключи из зажигания и с улыбкой смотрит на меня. Говорит банальности вроде «*Не соблаговолить ли нам?*», отчего процессор в голове заклинивает как при конфликте программ. Сначала машина. Теперь – это *соблаговолите*. С другой стороны – классные джинсы и волосатая грудь. Я сбита с толку, поэтому спешу улыбнуться и открыть дверцу. Мне нужно проветриться.

– Куда мы пойдем? – интересуюсь я. Честно говоря, никогда здесь не ела. Хотя и приезжала в порт с сестрой и племянником любоваться корабликами. Тут огромная игровая площадка с аттракционами, и далеко от дома – чем не прекрасный повод для пикника. А Роузи обожает их устраивать. Теплая волна накрывает меня с головой при мыслях о сестре, Мейсоне и Джо, своей работе и будущем. В моей жизни столько хорошего.

Вспоминаю, как малыш коверкает мое имя. *Ляля!*

Слышу голос сестры. *Тебе не нужен первый встречный.*

И я думаю, наблюдая за Джонатаном Филдзом, что *именно такой мне и нужен*.

– Я знаю место, – говорит Джонатан. Пропуская вперед, он кладет руку мне на талию. От его прикосновения меня бросает в дрожь: прилив душевного тепла сменяют мурашки по коже и ощущение неловкости. Так не ведут себя, собираясь вести благопристойную беседу. Или, по крайней мере, промочить горло. Впрочем, возможно, именно так другие люди и делают, только я не в курсе и не понимаю, какого черта творю...

В дальнем углу свободный столик, и я сажусь лицом к стене, потому что он сел первым. Мне говорили, что именно так поступают джентльмены. Что-то о контроле и наблюдении происходящего за нашими спинами. Однако, в самом деле, будем честны. В баре столько молодых и красивых, что яблоку негде упасть. Кажется, я знаю другие причины, почему он специально сел лицом к посетителям.

Наверняка из-за женщин, которые могут узнать его, окликнуть и броситься в погоню после нашего поспешного отступления к выходу.

Он отправляется за выпивкой, а мне она нужна как рыбе вода.

Прежде я считала, что слишком много думаю. Ищу ответы там, где нет вопросов, нахожу решения несуществующих проблем. *Делаю из мухи слона*, по выражению своей мамочки. Она и Дик. Они оба постоянно это говорили.

Потом я бросила это неблагодарное занятие, и догадайтесь, что случилось. Я врезалась прямо в отвесную скалу.

Честное слово. Просто дайте мне волшебную пилюлю, чтобы это все исчезло.

Или коктейль, тут же возникший передо мной.

– Спасибо, – говорю я Джонатану Филдзу, когда он садится. Я незаметно подглядываю за ним, проглотив большую часть напитка, ожидая, что он уже успел присмотреть себе кого-

нибудь помоложе, более темпераментную, сексуальную. Однако нет. Он смотрит на меня и только на меня.

Неожиданно мне хочется стать женщиной его мечты. *Собою новой.*

– О'кей, – произносит он, откинувшись на стуле. Теперь ему вполне удобно, не так как было за рулем или еще в первом баре. Словно он только что вернулся домой после напряженного рабочего дня и скинул ботинки. – Давай начнем с самого начала. Я страшно смущаюсь на первых свиданиях. Не знаю, о чем говорить, что спрашивать. Такое ощущение, будто ходишь по минному полю.

В самое яблочко. Я тоже сбрасываю туфли.

– Я знаю, – говорю с таким облегчением, которое только могу выразить одной мимикой. – Чувствуешь себя просто ужасно, верно?

Он воодушевленно кивает и подается вперед:

– Знаешь, хуже всего знакомиться в Интернете. Когда встречаешься с кем-то, кого знаешь по работе или еще откуда-нибудь, есть хотя бы отправная точка. Общие темы. А если познакомишься где-нибудь в баре, то это только флирт и прочее, для этого существует свой кодекс правил. Или методичка – ты понимаешь, о чем я?

– Да! – выпалила я. – Это мое первое подобное свидание. И это отвратительно! То есть нет, не ты... Я не тебя имела в виду. Ты не внушаешь мне отвращения. Просто трудно понять, с чего начать. – Все как ты говоришь, Джонатан Филдз. За небольшим исключением: ни один из способов знакомства не давался мне легко. Никогда. Даже с Ослиной задницей.

Я сохранила последнее сообщение от него. Он написал, что все кончено и не надо искать встреч с ним. Иногда я даже перечитываю его, чтобы в лишний раз напомнить себе о слонах.

– О'кей, – повторяет он. Это его любимое слово. – Спроси меня о чем-нибудь. Что тебе интересно?

– Честно? – спрашиваю я.

– Да. Все что хочешь! – Он снова откинулся на спинку стула. Он тянется к пиву, и на этот раз быстро пробегает взглядом по залу. Это совершенно нормально, напоминаю я себе. Он контролирует. Он защищает меня от диких зверей, способных наброситься в любую секунду. Его внимание, ни на ком не задержавшись, возвращается ко мне и моему вопросу.

– О'кей, – начинаю я, потому что раз Джонатану Филдзу нравится это слово, то и новой мне тоже. Люди всегда чувствуют себя увереннее, если к ним приспособиться стилем жизни и манерой речи. Именно поэтому хозяева часто похожи на своих собак. Я узнала это на уроках психологии. – Честно говоря, я хочу знать о твоём разводе. Как ты познакомился с женой. Почему вы поженились. Что пошло не так. Вопрос не слишком личный? Если да, то все в порядке. Однако на самом деле это интереснее всего.

Это ложь. Больше всего я хочу знать, что случилось с «БМВ», или почему Джонатан говорил, что у него есть эта машина, когда на самом деле нет. Даже если он соврал, чтобы пустить мне пыль в глаза и заманить на свидание, такую тачку он мог выбрать только под дулом пистолета.

Еще и женщина из первого бара, которая звала его по имени... и почему мы добирались сюда, в гавань, окружным путем...

– О'кей, – начинает он со своего любимого выражения. – Мы познакомились в колледже. В Суортмортском.¹¹ На последнем курсе. Но вышло не так, как ты могла подумать. Мол, просто больше не расставались, а потом поженились. После выпуска мы расстались. Я вернулся домой, в Бостон. Стыдно сказать, но я около года жил у родителей, пока искал работу. А она переехала сюда, точнее, поближе к Нью-Йорку. И только через несколько лет, когда нам было лет по двадцать восемь, мы связались на Фейсбуке!

¹¹ Суортмортский колледж – высшее учебное заведение в одноименном городе в штате Пенсильвания.

Он говорит так, словно это чудо, поэтому я показываю величайшее изумление.

– Невероятно! – восклицаю я. *Вот это чудо!!!*

– Вот-вот. Мы начали перезваниваться, потом я ездил к ней, она – ко мне, некоторое время мы жили в Бостоне, а потом переехали сюда. Мы действительно хотели создать семью.

Теперь он погрузился – теперь и я унылая как серое небо.

– Прости. Можно спросить, что между вами произошло?

Он говорит целых десять минут, рассказывая о совместном лечении от бесплодия, эндометриозе жены и так далее, и тому подобное, кучу всего, в общем. Я напоминаю себе, что мы пытаемся пройти ту громадную дистанцию со скоростью света. Я само сочувствие. Да. Именно так.

Но я хочу знать о машине. И почему он не вернулся в Нью-Йорк.

Это нечестно по отношению к Джонатану Филдзу, что мне скучно. Он просто отвечает на заданный мной вопрос.

Наконец он останавливается. Он поднял наши отношения на ступеньку выше. Я смотрю, как он встает и уходит, и думаю, что мне нравится его походка и что он хороший мужчина. Он любил свою жену. И хотел воспитывать детей. Его родители любили его настолько, что разрешили ему жить с ними после окончания колледжа. Он хороший человек, и я из кожи вылезу, но постараюсь увлечь его.

И вдруг мысли перескакивают на другое. Я думаю о сестре и о том, что встретить я ее сейчас, то ни за что бы с ней не подружилась. Не то чтобы она мне не нравилась, но мы настолько разные, что раздражали бы друг друга. Она осуждала бы меня, а я – ее, у нас начались бы девчачьи разборки и все в таком роде. Но она – моя семья, родная кровь, и я никогда не брошу сестру. Даже через миллион лет. То, что могло бы раздражать меня в ней, я нахожу милым. Не знаю, чувствует ли Роузи ко мне то же самое, хотя надеюсь на это. Даже если я снова уеду, частичка меня навсегда останется с ней, а ее – со мной.

Ей первой я звоню, когда дело пахнет жареным. Как я поступила меньше двух месяцев назад. Она примчалась как молния.

Так как же насчет любви между чужими людьми? Что заставляет людей, не членов семьи и не родственников, быть вместе и не расставаться? Просто лишь потому, что они так решили? Глодают ли они свои обиды от того, что вместе, когда хочется разбежаться? Жить с Роузи – не лучший выбор. Как и любить ее.

Потом я думаю о Джонатане Филдзе, его жене и всех тех годах, прожитых ими вместе. Неужели после всего она просто решила уйти? Вот так запросто. А может быть, нет. Может, я не знаю всей истории. Это только пока, полагаю.

– О'кей, – возвращается он. – Теперь моя очередь. – Он ставит напитки.

Я застенчиво улыбаюсь:

– О'кей. Пли.

– Тот парень из Нью-Йорка, о котором ты говорила по телефону... с ним у тебя было серьезно? Вы тяжело расстались?

Я стараюсь понять, что он хочет выяснить на самом деле. Способна ли я на длительные отношения? Люблю ли до сих пор другого? Или по-прежнему пытается узнать причину моего возвращения?

И отъезда.

– Да и нет, – начинаю я. – Мы встречались не так уж долго. У меня действительно были к нему чувства. Да, мне пришлось несладко, когда он порвал со мной. Думаю, что мы в похожих лодках, только моя, очевидно, меньше.

Он изучающе смотрит на меня.

– Ты говорила по телефону, он отправил тебе сообщение, что все кончено, а потом попросту исчез. Перестал звонить и писать. Ты пыталась выяснить, почему?

Я качаю головой.

– Нет. По-моему, если кто-то одним сообщением бросает тебя как кучу хлама, а потом испаряется, как он, думаю, это показательно. Что помешает ему поступить так снова? Уходить – плохая привычка, но если это уже привычка, от нее трудно избавиться.

Я жду от него разглагольствований на эту тему, глубокомысленных замечаний. Но тот цепляется лишь за мое поведение.

– И ты даже не пыталась выяснить? Хотя бы в социальных сетях? Не пыталась спросить кого-то из его друзей?

Вот теперь я загнана в угол. Ответить на этот вопрос, не признаваясь, что меня нет в социальных сетях, как и того, что не знакома ни с кем из друзей бывшего, я не могу. Мы всегда были вдвоем. Для меня этот опыт был в новинку. Новым и прекрасным.

Я только пожимаю плечами.

– О'кей, знаешь что? – заявляет он. – Не бери в голову. Мы обаплыли на своих суденышках, а теперь мы здесь, и это здорово. Звучит банально, но я правда в это верю. Важно лишь происходящее здесь и сейчас или что будет завтра. А сейчас я вижу перед собой невероятно красивую, умную женщину и считаю, что мне безумно повезло, потому что тот парень оказался полным ничтожеством, поэтому сейчас ты со мной, а не с ним.

Сказано абсолютно чистосердечно. Даже мои отточенные с годами навыки восприятия не уловили ни йоты фальши.

Вновь накатывает прежняя теплая волна. Он нашел кротовую нору.

Мы развиваем эту тему. О жизни и ошибках, и том, как трудно ждать будущего или жить настоящим. Он рассказывает о семье в Бостоне. Мать умерла в прошлом году. Его родители были вместе сорок четыре года. Рассказывает о сестре, переехавшей с семьей в Колорадо, а я – о Роузи, Джо и Мейсоне. Джонатан не спрашивает, хочу ли я детей, поэтому мне не приходится лгать, и разговор течет плавно, как вода за окном, устремляющаяся в океан – только я уже не имею понятия, о чем идет речь. Но мне нравится. Мне нравится все это.

Он не сводит с меня глаз. Когда Джонатан наклоняется отхлебнуть из стакана, я чувствую запах его кожи, и запах пива, когда он выпрямляется. Эти запахи смешиваются с водкой, которую я пила, в великолепный коктейль притяжения.

Я борюсь с собой. Сопроотивляюсь пустякам, приходящим в голову и пополняющим список источников беспокойства, которым я еще воспользуюсь, когда буду делать из мухи слона. В него входят фрагменты, которые не укладываются в общую картину. Промежуток между колледжем и переездом в Бренстон. Компания, в которой он работает, не имеет ничего общего с теми, которые еще сохранили филиалы в Коннектикуте. Он говорил о хедж-фонде, но все крупные давно ушли из Бренстона. Я знаю, потому что сама работала в этой сфере.

Есть и другие противоречия: выражения лица, косвенные вопросы о моем прошлом, детстве. Не знаю, нормально ли это, потому что я не отношусь к обычным людям. Как ненормальны и мое обостренное восприятие. И слоны из мух. Руки, сжатые в кулаки.

Я доводила родителей до безумия. Я знаю это. И они говорили. Меня было трудно любить. Даже невозможно. Вероятно, до сих пор.

Отметаю все сомнения прочь. Джонатан Филдз – хороший мужчина, и он склоняется над своим стаканом, но на самом деле хочет ненароком приблизиться ко мне. Я чувствую это. Это неправильные мысли. Опасения беспочвенны. Замечая противоречия, я отталкиваю славных мужчин, как Джонатан Филдз, которые хотят полюбить меня. И все так же нахожу подлецов, которым я не нужна.

Я хочу плакать. Чувствую подступающие слезы, но мне удастся сдержать их.

Знание – сила, верно? Я не дам разразиться катастрофе. Именно поэтому я вернулась домой. Теперь в этом моя работа. Не дать прежней Лоре разрушить мою жизнь.

Выхожу в туалет. Брызгаю на лицо холодной водой. Беру себя в руки и возвращаюсь к столику.

Джонатан Филдз встречает меня улыбкой до ушей. Он тут же затевает новую беседу. Хотя и не совсем новую. Он пытался поговорить об этом весь вечер.

– О'кей. Так почему же ты раньше не приезжала домой?

Что происходит?

Почему его так интересует мое прошлое?

Похоже, он знает о моих подозрениях. И не хочет, чтобы я смогла продолжить его. Но именно этого он и добивается своим поведением.

– Знаешь что? – неожиданно предлагает он. – Давай-ка выберемся отсюда, прогуляемся на свежем воздухе у реки.

Говорю себе, что это ничего не значит. Это муха, а не слон. Я не могу полагаться на свои инстинкты. Не могу доверять никаким навыкам. Только решимости.

Я открываю рот, и с языка слетает его любимое слово:

– О'кей.

9

Роузи. Настоящее время. Пятница, 11 утра.

Бренстон, Коннектикут

Незаметно пролетел еще один час. Роузи и Гейб ехали к Джо на стоянку на Ричмонд-стрит. Встретившись, они тут же начали яростно спорить, что делать дальше и, в очередной раз, стоит ли звонить в полицию. Мнение Гейба не учитывали. Ведь это они должны звонить. А точнее, Роузи. Именно ей так или иначе придется отвечать за последствия.

Джо не стоило разьяснять, что будет в таком случае с его свояченицей и как это отразится на ее эмоциональном состоянии, если прошлое выйдет наружу и Лору, таким образом, заставят выйти из тени старательно созданной ею анонимности.

Один лишь Гейб не дрожал от страха, но на его лице Роузи прочла нечто худшее – отстраненность. Они не могли терять время. И было кое-что еще. Чувство, что нужно действовать незамедлительно, подогреваемое полным незнанием происходящего. Если что-то случится, то будет уже поздно. Хотя они уже опоздали.

Роузи приняла решение, пусть и без той уверенности, как час назад, когда они были на кухне. Они подождут.

Джо вернулся в минивэне жены домой, а она пересела в его машину и поехала вслед за Гейбом в порт, откуда телефон Лоры отправил последний сигнал. Точное местоположение – парковка между офисным зданием и спортзалом. Впрочем, это ни о чем не говорит – посетители баров и ресторанов паркуются на любом свободном местечке, даже вдоль тротуаров.

Именно поэтому друзья обошли все близлежащие улицы и переулки, останавливались у многоквартирных домов, расспрашивая людей, знаком ли им хоть кто-то из этих мужчин с сайта «Найди свою любовь». Они разместили двадцать семь уменьшенных фотографий на нескольких листах. О мужчине Лора рассказала достаточно, чтобы можно было исключить остальных. Густая шевелюра, чисто выбрит, подтянут. И все же – найти нужного мужчину было все равно, что искать иголку в стоге сена, и друзья снова вернулись на ту улицу, где оставили машины.

Гейб, разложив листы с портретами на капоте, всматривался в лица.

– Узнаешь кого-то? – поинтересовалась Роузи. Гейб иногда рассказывал о случаях на работе. В основном он решал обычные задачи – устранял сбои в корпоративных компьютерных системах. Для других поручений – с использованием информационных технологий, чтобы застукать партнера, Гейба неизменно нанимали женщины. Каждый раз, слушая его истории, Роузи думала о матери.

– Смешно, – хмыкнул Гейб. – В последний раз мне пришлось копаться на этом дерьмовом сайте из-за Мелиссы. Ее муж клеил женщину помоложе с ненастоящей фотографией в профиле.

– Прости, – спохватилась Роузи. Гейб и Мелисса предпочитали умалчивать о столь пикантной причине своего знакомства.

– Да брось. Знаешь, это нормально спать с собственной клиенткой, пока ты женат на ней. – Гейб хитро подмигнул, и Роузи натянуто улыбнулась. Впрочем, их легкомыслие быстро исчезло.

– Кое-кто из этих парней сидит на сайте годами. Например, вот этот, – Гейб указал на мужчину с улыбкой соблазнителя, демонстрирующего что-то похожее на рыбу на конце лески, – был здесь еще два-три года назад, до развода Мелиссы. Я помню эту дурацкую рыбку.

Роузи посмотрела на живописную фотографию.

– Нам стоит вычеркнуть его из списка. Лора точно упомянула бы эту рыбу. Ей бы показалось это смешным.

Гейб достал ручку и поставил на снимке крест.

– М-да, – согласился он. – В своем дьявольском психоанализе она извлекла бы на свет всю его подноготную: жалкая попытка показать успешность, мужественность, доминирование.

– Лорино проклятие и дар небес – видеть все и всех насквозь.

На лицо Гейба вернулось прежнее отстраненное выражение.

– Кроме себя самой, – заметил он. – Она никогда не понимала, почему делает то, что делает.

Обхватив себя за плечи, Роузи мерила шагами тротуар, щурясь от яркого солнца, почти достигшего зенита. Она сверилась с телефоном. Было уже одиннадцать.

– Рестораны, скорее всего, открыты, – сказал Гейб. – В большинстве из них подают ланч. Персоналу положено накрывать столы.

Он будто читал ее мысли.

Роузи замолчала, уставившись на внушительный массив империи развлечений, нависающий над водой.

– Я бывала только в парке. У Мейсона не хватает терпения сидеть в ресторане.

Гейб махнул рукой, указывая на улицу справа.

– Мы были здесь. Я и Мелисса. Одна молодежь – им меньше лет, чем нам. За исключением разведенных мужчин. Они приходят сюда за покупками – как дети в кондитерскую. Их полно, почти целый квартал. Там – пройти всего пару улиц. Нам стоит начать оттуда, – бросил он уже на ходу.

Они обошли три заведения прежде, чем напали на след. В этом баре подавали еду, впрочем, преотвратнейшую: ее было достаточно, чтобы удержать выпивших и потому проголодавшихся клиентов. Мрачное помещение пахло кислым пивом. Они обратились к бармену, только что вставшему за стойку.

Поначалу тот смотрел на фотографии без всякой охоты, пока Роузи не рассказала ему об исчезновении собственной сестры. Тогда он, прищурившись, стал внимательнее изучать каждый снимок.

Неожиданно бармен улыбнулся, но всего лишь на мгновение.

– Вот, – выдохнул он, указывая на одну фотографию. – Вам нужен этот тип – он у нас постоянный клиент.

Снимок размещался под ником «здесь-для-тебя».

– Почему ты улыбнулся, когда его увидел? Что тут смешного? – спросил Гейб.

Бармен замешкался, покосившись на Роузи, затем отвел взгляд, словно не хотел видеть, как изменится ее выражение лица. Отвечая, он смотрел только на Гейба.

– Он... заявляется сюда на буднях. Один, может, два раза в неделю. И никогда не бывает по выходным. Четверг – его любимый день.

– Значит, он был здесь вчера? – уточнила Роузи. Широко открытыми глазами она посмотрела на Гейба, затем перевела взгляд на бармена.

– Он здесь *каждый* четверг.

Роузи быстро достала телефон и нашла фотографию Лоры. На ней сестра была на заднем дворе, раскачивала Мейсона на качелях.

– Он был с этой женщиной? Ты ее узнаешь?

Бармен склонился почти над самым экраном, разглядывая изображение, а потом покачал головой.

– Не знаю... Столько людей приходит сюда и уходит. Может, и она.

Гейб, неожиданно раздраженный ответом, навис над стойкой, опираясь на нее руками.

– Тогда почему ты уверен, что видел именно этого парня? Если у вас столько посетителей и такой проходной двор?

Бармен отпрянул, загордившись ладонью.

– Я знаю его, потому что он тут завсегда. Всегда сидит в дальнем углу. Берет выпивку только на баре. Платит наличными. Оставляет ничтожные чаевые.

– Он всегда приходит с женщиной? На свидание? – наседа Гейб.

– М-да – именно это я и имел в виду. Приходит по будням. Обычно с новой подругой.

– Каждый раз с другой женщиной? – изумилась Роузи.

Бармен кивнул.

– Да. Все разных возрастов, национальности, тощие и не очень, с короткими волосами, длинными. У него нет определенного типа. К тому же он, судя по всему, не слишком разборчив.

Роузи едва не задохнулась.

– Боже, это он! Иначе и быть не может! – выпалила она.

– Подожди, – Гейб снова ткнул пальцем в снимок. – Ты уверен? Это именно тот парень?

– О да. Видите, как он самодовольно улыбается? Один уголок чуть выше другого? Она у него как приклеенная, – уточнил опрашиваемый. – Жадный ублюдок. Ни разу не заказал даже картошку фри.

– Ты знаешь его имя? – спросил Гейб.

– Нет. Как я и говорил, он всегда платит наличными и сидит у дальней стены. Впрочем, подождите... – Парень почесал затылок, будто это помогло бы ему вспомнить. – Пару недель назад он вышел в туалет, а цыпочка, с которой он пришел, подозвала официантку и оплатила выпивку кредиткой. Мы долго ржали по этому поводу. Впервые получили приличные чаевые с того стола – и лишь потому, что расплатилась женщина.

– Она здесь? Та официантка? – Взгляд Роузи метался по залу, но там не было ни души.

Бармен покачал головой.

– Она работает в ночную смену. Я попытаюсь связаться с ней. Оставьте свой телефон, визитную карточку или другие контакты? Если ей удастся вспомнить тот вечер и что они пили, то мы сможем найти номер карты по чеку. Так, по крайней мере, вы будете знать имя одной из его женщин.

Гейб вытащил из бумажника визитку. Записав мобильный Роузи на обороте карточки, он вручил ее бармену.

– Звони нам обоим, без разницы, – добавил он. – Звони, как только что-нибудь узнаешь от нее.

– Обязательно, – ответил бармен. – И пришлите мне фотографию сестры. Я покажу ее всем, кто работал в ту смену. Я правда надеюсь, что вы найдете ее. Если вас это утешит, он выглядит довольно безобидным. Просто очередной козел, крутящий свои интрижки.

– Спасибо, дружище, – Гейб пожал бармену руку, но Роузи не могла ждать. Она уже бежала к машинам. Гейб догнал и схватил ее. – Эй, у нас хорошие новости. Лора была здесь прошлой ночью. Мы знаем это благодаря телефону. Скорее всего, именно этот парень нам нужен. Теперь мы сможем найти его... а потом – и Лору.

– Я знаю, ты думаешь то же самое, что и я, – Роузи вырвала руку. – Именно поэтому я не стала звонить в полицию. Вот почему ты не настаивал на этом.

– Роузи...

– Нет... нам надо остановиться. Мы должны все обдумать.

– Тут не о чем думать. Мы нашли Джонатана Филдза. Он оказался безобидным бабником.

– Гейб... – В ее взгляде был испуг. Невероятно, что он мог забыть. – Лора бросила машину на стоянке. На стекле счета за парковку – первый чек пробили сразу, как она приехала на Ричмонд-стрит. Еще один – утром. Только две вещи могли произойти этой ночью...

– Я в курсе, Роузи. Думаешь, я ни о чем не подозреваю? Все эти годы мы с ней поддерживали связь, но возвращение Лоры далось мне нелегко. Видеть ее боль, как и боль Мелиссы, которая не хочет подпускать меня к твоей сестре, потому что даже она знает, пусть и из чужих историй, вещи, которые постоянно с ней происходят.

Гейб рассердился, и это внушало тревогу. Роузи могла по пальцам пересчитать случаи, когда она видела его в таком состоянии.

Он взял себя в руки прежде, чем продолжить:

– Я же тоже видел Лору прошлым вечером, и по глазам понял, что она уже влюблена. Могу себе представить, как она взбесится, узнай, что он обычный мошенник. Я знаю все выражения ее лица, и куда они могут ее привести.

– Значит, тебе ясно... – Роузи надеялась на него. – Если этот парень оказался бабником и лжецом, а Лора это выяснила, не важно, насколько он безобиден...

Однако Гейб ее не слушал.

– Лора всегда считала любовь чем-то материальным. Будто ее можно взять в руки и потрогать. Лора говорила о любви так, будто не видела ее вокруг себя, словно ни ты, ни Джо, ни Мейсон – в общем, все мы, как и те мужчины, которых она отшивала, ее не любили. Все не так. Я пытался объяснить ей. Когда мы познакомились с Мелиссой... любовь росла, и на это ушло немало сил. Я пытался донести это до нее.

Роузи чуть не кричала.

– Я тоже, тысячи раз. Рассказать, как все иногда бывает. Когда просыпаешься каждое утро и решаешь, что ты будешь любить этого человека, даже если не в восторге от него. Кажется, Лора отчаянно ищет любовь всю свою жизнь – это видно даже на той фотографии на заставке компьютера. Даже тогда...

Гейб стряхнул с себя разочарование, закрыл глаза. В этот краткий миг Роузи знала наверняка, что он чувствует.

– Вспомни, что было дальше – что случилось с ее первым настоящим парнем, – сказала Роузи. – А если все повторится? С этим мужчиной, Джонатаном Филдзом?

Она помолчала, прежде чем выложить остальное, все свои тревожные мысли, слившиеся воедино. Ситуация стала для нее очевидной.

– Гейб, вот в чем дело: меня беспокоит не то, что он мог сделать с сестрой. А что она – с ним.

Друг кивнул, снова становясь серьезным.

– Поехали домой, – предложил он. – Я знаю, как найти его. Это пока все, что мы можем сделать.

Они расселись по машинам, вырулили с высокого бордюра и уехали прочь из порта.

10

Лора. Седьмой сеанс.

Три месяца назад. Нью-Йорк

Лора: ... возможно, мне просто не везет в любви. Это не название песни, случайно? Или строчка оттуда? Есть и другое выражение... Как там было? «Сердцу не прикажешь».

Доктор Броуди: Если сердце разбито, оно захочет не того, что ему действительно нужно.

Лора: Забавно... однако... ты меня имеешь в виду? Хочешь сказать, что мое сердце разбито?

Доктор Броуди: Это метафора, Лора. Сердца не бьются.

Лора: Ясно. Но люди ломаются, не так ли?

Доктор Броуди: Только в образных выражениях. Когда ты хочешь поговорить об этом?

Лора: Поговорить о чем? Я все тебе рассказываю.

Доктор Броуди: О том, что действительно произошло той ночью в лесу...

11

Лора. Ночь накануне. Четверг, 9 вечера.

Бренстон, Коннектикут

Мы прогуливаемся по дорожке у воды. Стоит прекрасная погода – голым ногам ни жарко, ни холодно. Ветерок приносит запахи соли и водорослей – так пахнет в открытом океане. Настоящее блаженство.

Однако это вгоняет меня в отчаяние.

Я пыталась объяснить мозгоправу, что идеальная ночь пробуждает желание столь сильное и безудержное, что кажется, будто оно взорвется во мне. Идеальные ночи созданы для любовников.

Мы гуляем вдоль берега, я и Джонатан Филдз, наслаждаясь идеальной ночью с ее легким ветром и ароматами. И желание прожить этот момент и все последующие за ним, когда, возможно, мы снова будем гулять здесь – уже любовники, а не незнакомцы, желание любить в эту идеальную ночь, зовущую всех влюбленных, поднимается выше, подступая к самому горлу.

Я задерживаю дыхание, не позволяя этому желанию вырваться наружу.

Он заметил, как вспыхнули мои щеки. Но продолжает идти. Я заставляю себя выдохнуть и вдохнуть снова – помогает.

Джонатан Филдз. Мне нравится, как он ходит, засунув руки в карманы джинсов. Застегнутая на все пуговицы рубашка, заправленная за пояс. Он закатал рукава, обнажив волосатые руки, слегка тронутые загаром. Он не похож на медведя или что-то подобное. Это больше относится к мужественности. Не знаю, почему она мне так нравится. Роузи, кстати, тоже. Именно поэтому она влюбилась в Джо. Он был настоящим *парнем* чуть ли не с самого рождения. Мужиком. Интересно, был ли Дик таким же – может быть, поэтому нам обоим нравится такой тип мужчин. Я совершенно не помню, даже чуть-чуть, были ли у отца волосы на руках или груди, и ходил ли он так же немного развязно и беспечно, как Джонатан Филдз. Уверенно. Или, может быть, высокомерно.

Мы гуляем, разглядывая встречных, смеемся, когда видим другие пары на их, и это очевидно, первом свидании, словно сами умнее, потому что, по крайней мере, понимаем нелепость и неловкость подобной ситуации. С наслаждением вдыхаем витающие ароматы, предвкушая, куда мы отправимся дальше. И чем там займемся. Могу поклясться, он тоже об этом думает. От мыслей выражение его лица меняется, хотя я не думаю, что он это осознает.

В отличие от меня. Я замечаю все.

И не забыла ни о машине, ни о женщине в баре, ни о пробелах в его рассказе. Как и о том, что мы не стали любовниками в эту идеальную ночь, зовущую всех влюбленных.

Я притихла.

– С тобой все в порядке? – спрашивает он.

Я киваю и улыбаюсь.

Неожиданно он делает нечто невероятное. Он читает мои мысли.

– Мы с женой любили этот пляж, – говорит Джонатан.

Бывшей женой, думаю я. Однако молчу. Это привычка. Всего лишь слова.

Не так ли?

– После бесплодных усилий зачать ребенка, мы перестали ходить сюда. Неожиданно выяснилось, что дети здесь повсюду. Они плескались в волнах с отцами, их подбрасывали в воздух. Они строили замки из песка. Гонялись за чайками. Уверен, их всегда было так много, но после того, как выяснилось, что мы не можем иметь детей, чем солнечнее выдавался день, тем труднее нам было осознавать, как же не хватает на этом пляже своего малыша.

Я снова взяла себя в руки. Его история, так похожая на мою, умерила мой пыл. Пляж без малыша. Идеальная ночь без любовников.

– Я никогда не понимала детей, – признаюсь я, – пока не родился племянник. И даже после его рождения ничего не изменилось, пока он не начал узнавать меня, и только тогда я поняла, какой властью обладают дети.

Джонатан смотрит на меня, глаза сузились. Только я не могу прочесть его мысли так, как может он – мои.

– Я думал, ты не часто приезжала сюда? – спрашивает он.

Снова вопросы о моем прошлом. Какого черта?

Однако я отвечаю:

– Я приезжала на праздники. Обычно на ночь или на полдня. Но сестра привозила Мейсона в город. Он знает меня. На самом деле знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.